

ОЛЬГА
ВОЛЕНСКАЯ

ОРИЕНТИР НА ЛЮБОВЬ

Роман

| Часть первая

Сценарий живой игры

18+

Ориентир на любовь

Ольга Воленская

**Ориентир на любовь. Часть
1. Сценарий живой игры**

Издательство «Четыре»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Воленская О.

Ориентир на любовь. Часть 1. Сценарий живой игры /
О. Воленская — Издательство «Четыре», 2025 — (Ориентир на
любовь)

ISBN 978-5-908079-28-0

Семейная жизнь занимает наши мысли, наши чувства. В семье должны преобладать по максимуму тёплые и трепетные эмоции. От основателей семьи – мужчины и женщины – зависит, насколько крепкой она станет. Над отношениями внутри пары работают всегда оба. Здесь не может быть усталости и откладывания на потом, ведь с одним крылом не улететь. Добрая и немного ироничная история одной семейной пары открывает свои двери. В книге присутствует нецензурная брань.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908079-28-0

© Воленская О., 2025
© Издательство «Четыре», 2025

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвёртая	27
Глава пятая	36
Глава шестая	40
Глава седьмая	47
Глава восьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ольга Воленская

Ориентир на любовь. Роман. Часть первая. Сценарий живой игры

*Эта история посвящается
самым дорогим моему сердцу людям —
в знак признательности за нескончаемую веру в меня.
Если бы не ваша поддержка,
независимо от расстояния между нами,
я бы не рискнула выпустить в свет этот роман.*

издательство

ЧЕТЫРЕ

© О. Воленская, текст, 2025

© Издательство «Четыре», 2025

Пролог

Я – Марина Владимировна Скворцова. Мне тридцать два года. Я специалист в области экономики. До окончания вуза я удачно вышла замуж за молодого преуспевающего бизнесмена в технической области нефтегазовой отрасли Аркадия Игоревича Скворцова.

Моя жизнь одно время была сказочно хороша и полна положительных эмоций. Всё как у всех: супруг, дети и замечательный пёс. Аркадий зарабатывал неприлично большие суммы в своей сфере, так что наша семья жила, ни в чём себе не отказывая. Я заочно выучилась на юриста, почти не разлучаясь с близкими.

Я крутилась как белка в колесе: дом, дети, муж, но мне хотелось применять полученные знания на практике. Аркадий противился даже разговору о том, чтобы я стала работать. Утверждал, что семья не нуждается ещё в одном финансовом источнике.

– Для чего я училась? – не унималась я.

– Свои экономические и юридические навыки ты отлично применяешь в быту. Мне очень нравится, как у нас обстоят дела дома. – Супруг, сунув руки в карманы домашних штанов, размеренно вышагивал по гостиной. – Зачем таскаться куда-то изо дня в день? Кроить время на детей, себя... и мужа, разумеется?

Аркадий гнусаво картавил, но эта особенность не вызывала неприятия, а говорение в нос совсем не связано с простудой или каким-то заболеванием. Наоборот, она добавляла спокойному голосу мужа необычную нотку, которая мне нравилась.

Я, насупившись и скрестив руки и ноги, сидела на диване. Таких разговоров между нами была тьма-тьмуца, но финал у них был всегда один: работать мой благоверный мне не разрешал.

– Ты каждый раз сама поднимаешь эту тему. Ты знаешь, что я буду против. К тому же, как ты говоришь, время можно использовать для себя. Ну не знаю... спортзал, массажики, спа-салоны, походы по магазинам... Куда вас, женщин, ещё несёт? Да куда заблагорассудится! – Муж недовольно покачал головой. Он произносил звук «р» на французский манер. – На твоём месте любая бы только радовалась.

– Может, тогда тебя устроит любая?

– Марина, не говори глупостей!

Муж опустил на диван и привычно приблизил ко рту пальцы. Как меня раздражала его привычка откусывать ногти!

– А я не хочу быть болонкой в постели! – Я зло воззрилась на супруга, отводя от его рта руку.

Он поморщился и почесал переносицу с видом важного человека:

– Неужели я мало зарабатываю?

– Кадя! У нас сейф и на пятую часть не успевает опустошаться! Этого мало?!

– Так трать деньги! Получай удовольствие!

– Дело не в деньгах. Во-первых, мне тебя не хватает из-за твоих разъездов, – я загибала пальцы, – во-вторых, я хочу сама развиваться!

В начале наших отношений мы, конечно, не так твёрдо стояли на ногах. Поэтому я научилась экономить и откладывать. Со временем бизнес Аркадия стал приносить большой доход, а я превратилась в транжиру. Позднее ситуация изменилась: денег много, а морального удовлетворения никакого. Все покупки в пределах разумного, да и дети не такие избалованные, как у других бизнесменов. Тусовки среди предпринимательского бомонда наводят скуку, Аркадий и сам не любитель светских вечеринок и света прессы в свою сторону. Мы не посещали такие мероприятия.

Фирма супруга часто оказывает спонсорскую помощь городу: на стене в кабинете Аркадия регулярно появляются новые рамки с благодарственными письмами.

– Лиля когда вернётся? Слетали бы... в Египет, – Аркадий театрально жестикулировал. Я хмыкнула и отвернулась.

– А кто останется с Алиной и Максимом, если у тебя вечные командировки?

– Значит, без Египта, – сухо произнёс Аркадий. – Или с детьми!

– А может быть, ты освободишься и свозишь нас куда-нибудь?

– Не начинай! Я не могу и помыслить об отпуске сейчас: у меня один контракт за другим.

– На протяжении уже семи лет кряду! Да, твои насосы всегда качают, – с иронией ответила я.

– Точно! – Он указал на меня и улыбнулся, подсел рядом, чмокнул в щёку, приобнял за плечи и снова подsunул ноготь к зубам. Я его остановила взглядом. – И весьма прибыльно. На сегодня разговор о твоей работе окончен.

Аркадий в домашнем костюме улёгся на диван и положил мне голову на колени, мои пальцы с удовольствием погрузились в светлые волны его волос. Кадя с улыбкой прикрывал глаза, наслаждаясь прикосновениями. Он дышал спокойно, поза расслабленная.

И был мне очень дорог.

– Кадя, о чём ты думаешь?

– Представляешь, ни о чём. Обожаю, когда ты перебираешь мои волосы, – особенно выговаривая трудный для себя звук, ответил Аркадий. – Так я чувствую, что ты жалеешь меня и поддерживаешь.

– Знаешь, мне тяжело в быту...

– А-а-а, я понял. Конечно, тяжело! Я пришлю к тебе... м-м-м... Егора. Этот парень – наш новый водитель. Теперь в его обязанности будет входить помощь с переноской пакетов и сумок.

– Кадя!

– Я отлично придумал! – похвалил себя мой муж, произнося неотчётливо сложный для него звук.

– Кадя! Это детский сад! Мне нужен... – я не договорила, заветное слово повисло в воздухе.

– У тебя будет личный помощник. И не спорь! Мы можем позволить себе эту мелочь. – Телефон на столе затренькал. – Всё, прости. Алло!

Аркадий может быть настырным, непоколебимым в своих решениях и умеет их принимать.

Глава первая

На следующий день муж прислал в помощь мне нового водителя.

Дурацкий день! Дети утром были собраны и отправлены в школу и в сад, я снова осталась одна в нашей роскошной квартире.

Ремонт, дизайн, мебель, бытовая техника – это всё я, результат меня очень радовал, и жить в пятикомнатной двухэтажной квартире было действительно уютно. Немалые деньги я потратила на создание семейного гнёздышка: сам ремонт, конечно, не делала, но помогала рабочим и, скажем так, прорабом точно была.

Ведение домашнего хозяйства меня сильно не напрягало, но, как и в любой семье, быт съедает всю романтику. Хотелось лёгкости, которой не было в душе уже давно. Аркадий стал нервировать своими дурацкими привычками. Мой супруг вообще не дружит с кухней: чай-кофе он себе наведёт, но мытьё посуды, приготовление пищи навевает на него ужас. Погреть еду в СВЧ он тоже сможет, но вымыть опустевшую кастрюлю для него равно катастрофе. Поэтому он с самого начала нашего брака завёл свой метод: оставить одну ложку еды (супа, картофеля, всего, чего угодно) в кастрюле и отправить с чистой совестью её обратно в холодильник. Ух, как я злилась на него! Но моё негодование оставалось со мной, потому что супруга практически не бывало дома. Разговоры тоже не помогали.

Моргнул свет. Я удивилась, но поспешила в ванную проверить работу стиральной машины.

– Ах, чёрт! – выругалась я, потому что на полу уже образовалось озеро воды, а в стену бил фонтан.

Я хватала различные тряпки и бросала под ноги. Следующий шаг – нужно перекрыть воду. Пока ползала, моя одежда намочила: лосины и рубашка прилипли к телу.

В этот момент раздался мелодичный «динь-дон».

«Затопили!» – И я направилась открывать входную дверь, ожидая претензий соседей снизу.

На пороге стоял долговязый и тощий брюнет-очкарик. Он даже сутулился, чтобы казаться ниже ростом. Молодой человек откровенно скользил взглядом по моей фигуре:

– Здравсьте, я Егор.

– Ага, доброе утро, – ответила я и впустила в дом водителя, вытирая тыльной стороной ладони мокрый лоб.

Очкарик сунул руки в карманы куртки и, не потрудившись вытереть ноги перед входом в квартиру, с заинтересованным видом прошёл внутрь. Оглядываясь по сторонам, он периодически присвистывал.

– Купались?

– Что? – я напряглась вопросом.

– Я говорю, что помешал вам искупаться, – парень улыбался.

– Нет, у меня проблема со стиралкой.

– А что с ней?

– Та-а-ак, – протянула я. – Сколько тебе, Егор, будет годиков?

– Ну, я не маленький, – парень захолопал глазами и сел на банкетку.

– Я вижу. Так сколько?

– Двадцать восемь.

– О, даже так?! – я удивилась. – Школу окончил?

– Типа да, – его развязная речь меня бесила.

Несуразный, угловатый и ещё наглый, при этом амбициями от него пышет, как от печки... Этот парень не то, что не радовал меня, лучше бы вообще не появлялся.

Разозлившись, я развернулась и отправилась убирать потоп в ванной.

Через пару минут Егор появился на пороге ванной:

– О, как тут мокро! – Он криво усмехнулся, но молча присоединился к уборке.

В четыре руки пол в ванной, наконец, был осушен. С моего лица и волос струился пот. Футболка Егора прилипла к телу настолько, что был виден лёгкий атлетический рельеф.

Парень выпрямился и спиной подпёр косяк. Я чувствовала на себе его изучающий взгляд, но списала всё на легкомыслие, свойственное нынешней молодёжи.

– Большая квартира... – произнёс он.

– Да, – коротко ответила я.

– Тут одной уборки, наверное, дня на два.

– Хм, – буркнула я и продолжила перед зеркалом собирать полотенцем пот с лица и шеи.

– В магазин надо?

– Да, надо. Я сейчас! – Протиснулась мимо парня и ушла в спальню.

Минут через пятнадцать я была готова идти за покупками. Покупки я совершила самостоятельно, без этого парня. А вот возвращалась домой, к моему великому сожалению, с Егором: он слушал музыку в стиле «ню-металла и альтернативного рока», что-то в стиле вечно орущих мужиков. Я не понимаю такого направления, но ладно, десять минут езды туда и обратно – можно потерпеть.

Автомобиль подкатил к нашему подъезду, я сидела рядом с водителем, страдала от музыки и тупо смотрела вперёд. Следующая выходка наглеца не поддаётся никакому оправданию: парень погладил меня по ноге и сообщил:

– Эй, а ты хорошенькая!

Я смахнула с себя его ладонь с отвращением, в то же время вдруг появилось желание посмотреть, куда же и до каких границ этот парень дойдёт. Он хорошо отдаёт себе отчёт в своих действиях?

– Неужели?..

– Да, особенно в ванной в мокрой рубашке... У тебя хорошая фигура.

Я удивлённо изогнула бровь и вышла из машины. Собственно, потянулся привычный день сурка: купить и разложить покупки, приготовить обед-ужин.

Парень крутился рядом, по его тону и лаве извергаемых слов я поняла, что он пытается привлечь моё внимание. Но я не слушала его, иногда поглядывала и кивала. Мне не было дела до его рассказа, где, возможно, больше половины просто-напросто выдумка, чтобы создать себе некий образ героя. Неинтересно! Не цепляло ничто!

Его помощь закончилась доставкой пакетов, остальное – уверенная «варка лапши» и её нехитрое развешивание.

На плите доходил яркий борщ и жаркое, а в духовке уже выпекался кекс к вечернему чаепитию.

– Вкусно пахнет! – Егор приоткрыл крышку кастрюли с борщом и повёл носом.

Я домывала посуду:

– Спасибо за оценку.

Парень вдруг подошёл ко мне сзади вплотную и обхватил за талию:

– В доме начальника, наверное, крутая кровать. Давай опробуем её?

– Что?! – раздался за спиной холодный голос Аркадия. – Ах ты, подонок!

Егор отпрыгнул от меня, я молча продолжила мыть посуду.

– О, фак! Ты хочешь переспать с моей женой?

– С женой?! Эта домработница – ваша жена?

Егор прищёлкнул языком, а Аркадий нанёс ему довольно-таки сильный удар в челюсть.

– Пошёл вон! Больше ты у меня не работаешь! – ревел супруг, привычно грассируя.

Бизнесмен может постоять за честь своей семьи!

Через пару минут от наглого парня остался только запах дешёвой туалетной воды. Аркадий молча поел, сделал пару звонков по работе и так же молча ушёл в свой офис.

Я тоже молча посидела напротив него, в тишине убрала со стола и отправилась баловать себя, любимую: наполнила водой белоснежную ванну, щедро налила ароматную пену и, сбросив одежду, погрузилась в море тепла.

Слова «ваша жена» и «домработница» звучали в голове, а перед взором стоял образ сердитого Аркадия со стальным взглядом.

Через полчаса я сушила волосы, а потом решила отправиться в свой привычный салон в надежде, что смена причёски и маникюр хоть как-то успокоят меня.

Глава вторая

Потратив на себя три часа, ожидаемого удовлетворения я так и не получила, наоборот – накатила волна разочарования и пустоты. Привычными стали «надо», «должна» и «сделаю».

Я шагала по центральным улицам Заводоуковска. Окружение и уличная суета совсем не радовали, даже хорошая погода не доставляла удовольствия. Я понимала, что пустоту необходимо заполнить. Только чем?

И вдруг родился второй вопрос: «для чего?». Я хожу только в магазин, в детский сад и на йогу. Погружаюсь в повседневные заботы по самые уши, в одиночестве нет желания радовать даже саму себя. Аркадий вниманием не балует, только деньгами.

Вдруг я подумала: может быть, потеряв себя как женщину и зарывшись в домашние проблемы, я не заметила, что у мужа появилась любовница?..

Какой она может быть? Это, наверное, стройняшка с пухлыми губами, покрытыми красной помадой, ухоженными локонами волос (пусть будут светлыми) и искусственным веером ресниц. У неё ноги, должно быть, от ушей растут, грудь упругая...

Я остановилась и рассмеялась над своими мыслями. Смешно, да и не очень. Без школьной подружки Лильки мне и посмеяться не с кем. Как жаль, что она часто бывает в отъезде...

Вечером я штудировала газеты с объявлениями о работе. От супруга этот факт не скрывался. Я не собралась вступить с ним в полемику, но ещё накануне разослала резюме в несколько учреждений и коммерческих фирм.

Аркадий швырнул мне стопку газет.

– Почему ты такая упрямая?! – чуть скартавил супруг. – Нашей семье не нужны деньги!

– Деньги меня интересуют меньше всего. Я хочу работать, хочу развиваться! – настаивала я на своём, глядя на постепенно мрачнееющего супруга. Я трогала свои волосы в надежде, что Кадя заметит изменения, гладила пальцы рук, не расставаясь с мыслями, что муж обратит внимание на обновленный дизайн ногтей.

– У тебя есть чем заняться: уже в домработницу превратилась!

Я зло посмотрела на супруга. Аркадий невольно поднёс ноготь к зубам. Как меня раздражала эта его привычка – грызть ногти! Готова подойти и пристукнуть: взрослый мужчина, бизнесмен, а с детским заскоком. Я сжала руки в кулаки и поджала губы. Кадя вытянулся и убрал руки ото рта, сунув их в карманы домашних штанов.

– Бред! Бред! – повторил супруг.

– Ты меня не понимаешь и не хочешь понять, – проговорила я и отправилась в нашу спальню.

Дети уже спали, поэтому заниматься ими было не нужно. Я закрылась в нашей спальне. Супруг подёргал ручку двери и несколько раз позвал меня. Не ответила, укуталась в одеяло и, жалея себя, зашмыгала носом.

Эту ночь я и Аркадий провели порознь.

В субботу утром провожать его на работу я не вышла.

Неожиданно раздался звонок в домофон. Я услышала доброе приветствие и голос Филиппа Лазуренко.

С Филиппом я знакома давно: это школьный товарищ Аркадия, крёстный наших детей, а я с ним училась на заочном отделении в университете по направлению «юриспруденция». Это высококлассный юрист и заместитель Аркаши в ООО «АРСФИЛ».

Через несколько минут он появился на пороге нашей квартиры. Я снова с ним поздоровалась, радушно обнимая.

– Фил, чай, кофе?.. Может быть, пообедаешь?

– Нет, Мариш, спасибо. Не голоден, а вот чаем соблазнусь. Чувствую запах свежей выпечки... – Он сверкнул серыми глазами за линзами прямоугольных очков.

– Да, только испекла. Проходи... – Я уже суетилась на кухне. – Сейчас чайник поставлю.

– Слушай, Аркаша для меня подготовил подписанные документы перед отъездом. Сказал, что оставит на столе в кабинете.

– Да, так и есть. Пройди сам и возьми, пожалуйста, – я указала ладонью в сторону рабочего кабинета Аркадия.

Через пару минут Лазуренко держал в руках коричневую кожаную папку с золотистыми буквами «На подпись». Я жестом пригласила кума присесть за стол. Он снял очки, потёр усталые глаза, а потом по-доброму уставился на меня:

– Марина-Марина!

Филипп говорил всегда спокойно, а чаще немного протянуто и особым шёпотом. Его голос был завораживающе выразителен для восприятия.

– Что, Филипп Маркович?

– Скучаешь?

– Ужасно! Кадя не желает меня даже выслушать.

Я поставила перед мужчиной прозрачную чашку с ароматным чаем, блюдце с нарезанными дольками лимона и тарелку с куском заливного ягодного пирога. Филипп сморщил лоб и пошевелил губами, а потом подцепил вилкой кусочек и отправил его в рот:

– М-м-м, как всегда, восхитительно вкусно!.. А Лиля снова в отъезде?

– Да, теперь у неё турне по Азии.

– И нравится ей туризм?

– Если она давно работает в туристической фирме... Как ты думаешь?

Филипп хохотнул:

– Главное для неё – деньги.

– Точно. Лилия и за границей умудряется найти источник дохода.

– Вот что значит знать несколько языков, – Филипп говорил спокойно и уверенно.

– Европа Лиле больше нравится, – акцентировала я внимание. – Я бы тоже куда-нибудь съездила, но не одна.

– Понимаю и поддерживаю. И уже много-много раз твоему Аркаше выговаривал на этот счёт. Он с юности вбил себе в голову, что сделает всё, чтобы семья ни в чём не нуждалась.

– Семья обеспечена деньгами на пять лет вперёд!

Филипп жестом подтвердил мою правоту, а потом продолжил:

– Почему-то Аркадий не разделяет точку зрения, что помимо денег жена и дети нуждаются в нём самом.

Я пожала плечами. Я всё равно жду мужа домой, наверное, уже по привычке.

– Скажи, у него кто-то есть?

– Не понял. Ты о чём? – Филипп напрягся и отодвинул пустую тарелку.

– Может быть, у него есть... ммм... фаворитка...

Я боялась услышать подтверждение своим опасениям. И всё же, перебарывая сомнения и неуверенность в себе, задала вопрос, который меня мучил уже давно.

– Нет. Нет! Аркаша помешан на насосах. Он тебе не изменяет – это абсолютно точно! На адюльтеры у него просто нет времени. Хороший друг и отличный руководитель, но как муж и отец не состоялся. Увы и ах! Аркаша тебе хотя бы цветы дарит?

– Нет. Считает это несерьёзной тратой.

– А что считает серьёзной тратой?

Я снова пожала плечами и опустила голову.

– Пусть дарит квартиры, – засмеялся Филипп.

И я улыбнулась, глядя на него.

– Фил, я хочу работать, – я подёргала кума за руку. – Хочу работать не ради денег! Хочу развиваться!

– Я уверен, у тебя бы всё получилось. Ни в коем случае не отступай от своего желания, – поддержал меня мужчина и надел на нос очки.

– И не собираюсь! Филипп, скажи, – я опустила глаза и зарделась, – я выгляжу, как домработница?

Сегодня на мне был свободный домашний костюм: брюки и туника с косым краем и цветочным орнаментом на вишнёвом фоне.

– Ты выглядишь изумительно даже в домашнем наряде. Хочется с тобой отдыхать. Почему вдруг возник такой вопрос?

Я вкратце рассказала о ситуации с Егором и расстроено посмотрела на друга семьи.

– Марин, нынешняя молодёжь не тратит время на обдумывание своих фраз. Так что будешь ты ещё опускаться до прокручивания в голове обидных слов от недотёпы-Егора, который в «АРСФИЛ» больше не работает!.. К тому же твой Аркаша лихо вмазал противному юнцу за свою очаровательную и добрую супругу. Я бы поступил на его месте так же! Ещё бы с лестницы спустил!

Лазуренко прошёл в прихожую и протянул мне папку с документами.

– Марина, спасибо. Было очень вкусно. Я со своей стороны буду продолжать вести беседы с Аркашей. Знай, ты бриллиант! Скворцову с тобой необычайно повезло. Крестникам – приветиче.

– Я передам.

– Мне пора в офис. Счастливенько!

Филипп надел в прихожей туфли и пиджак, аккуратно прикоснулся губами к моей щеке и помахал на прощание рукой, выходя за дверь с улыбкой грусти.

Я снова осталась в «золотой клетке» одна.

Ни магазины, ни салоны, ни телевидение меня не радовали. Любимые хобби – кулинария, вязание и рисование – не приносили бывшего удовольствия. В душе зияла огромная чёрная дыра пустоты, и заполнить мне её было нечем. От одиночества я впала в апатичное состояние и могла в тишине и темноте сидеть в кресле перед телевизором и не видеть ничего на протяжении нескольких часов.

В этот вечер служба доставки принесла мне домой большой букет из мелких белых и красных роз. Аромат сразу же наполнил кухню. Среди цветов я нашла записку: «Марина, улыбайся. Не стоит обращать внимание на злых людей. Всё будет хорошо. Филипп».

Воспоминания вернули меня к прогулке с маленькой Алиной в начале сентября.

...Марк Дмитриевич Лазуренко уже ждал меня с двухмесячной дочкой возле подъезда по улице Щорса. Он сам подготовил коляску и расправил плед внутри люльки. Я устроила ребёнка, поправила кружева, любуясь симпатичным личиком малышки.

– Какие у тебя планы?

– В магазин за продуктами. Здесь немного.

Я показала отцу друга моего мужа небольшой список, он убрал его в карманы чёрных брюк, дёрнул молнию на серой ветровке.

– В магазин вечером Филипп сходит и всё тебе привезёт. Прогуляемся?..

Я молчала, а в душе появилось беспокойство. Марк Дмитриевич поправил очки прямоугольной формы, бликующие линзами от осеннего солнышка, пристально посмотрел на меня.

– Марин, что случилось?

– Кадя вчера вечером улетел в командировку. По времени уже должен прибыть на место, обещал позвонить. Не позвонил. Наверное, забыл. Да и вряд ли позвонит. Мы сейчас уйдём, а у меня телефон дома на зарядке остался.

– Засомневалась в его словах?

– Да, – коротко ответила я.

В тревоге за молодого супруга я украдкой бросала взгляды на отца нашего свадебного свидетеля.

Марк Дмитриевич по-отечески обнял меня, а потом снял с тормоза коляску с Алиной и, удерживая мою ладонь, повёл вперёд. От мужчины веяло хорошим парфюмом, смешанным с запахом табака. Он и его сын внешне очень похожи, по характеру – тоже.

– Марина, я тебе сейчас кое-что расскажу. Надеюсь, что после услышанного у тебя все сомнения отпадут.

Я взглянула на профиль отца Филиппа. Мужчина заметно переживал, нервно двигал губами.

– Мальчишкам тогда было лет семнадцать-восемнадцать. Они крепко дружили. Всегда всюду вместе. Однажды на рынке я повстречал бабушку Аркадия. Она зло бросила, что я зря верю на слово Скворцову, активно поддерживаю его, что отец парня был проблемным ребёнком, а, как известно, яблоко от яблони падает недалеко. Аркадий не тот, за кого себя выдаёт. Я в тот момент не придал значения сказанным словам. Мне нравился Аркаша. Нравилось, что он взялся за ум, нравились его целеустремленность и желание разбираться в технике. Всё было хорошо до одного случая.

Однажды мальчишки не вернулись домой. Мобильной связи тогда не было. Галя начала переживать, ходила от окна к окну, да и мне газеты и болтающий телевизор стали неинтересны. Я тоже поддался панике, тревожась за сына. Мы всю ночь не спали.

К утру мальчишки не объявились. После работы я отправился в отделение милиции. Там узнал, что их задержали. Подозревают в краже со взломом. Я обратился к своему приятелю. Он работал там же. Через сутки отпустили Филиппа. У сына поднялась высокая температура, он в удручённом состоянии приехал со мной домой.

Мой друг спросил о молодом Скворцове, а я вдруг вспомнил слова старухи и махнул на него рукой. Аркадия освободили ещё через сутки после задержания. Я встретился с ним у подъезда дома его бабки и велел больше не общаться с Филиппом, потому что он бросает тень на нашу семью.

Галя продолжала волноваться за Аркашу, я психовал. Её волновал вопрос, почему Скворцов не навещает друга. Фил тем вечером пришёл в себя, интересовался судьбой Аркадия. Я молчал. На телефонные звонки Скворцов не отвечал. Филипп забеспокоился не на шутку.

В тот день он нам рассказал о происшествии. Мальчишки вдвоём возвращались из бассейна. Шли, разговаривали о том о сём. Из-за угла выбежала вызывающе одетая и ярко накрашенная девчонка со слезами на лице: «Парни, помогите! Там мою подружку насилуют!» Гаражи, темень, но мальчишки метнулись туда, куда указывала эта девчонка. Впереди толпа ребят, массовая драка, и тут же с маячками приехали сотрудники милиции. Все разбежались, а Фил и Аркаша в растерянности остались на месте и не оказывали сопротивления, уверенные в своей непричастности.

Как потом выяснилось, произошла кража в особо крупном размере из какого-то магазина. В той компании не смогли поделить наворованное, завязалась драка. Никто отвечать за содеянное преступление не хотел. А вот девчушка – весьма находчива: позвала случайно проходивших мимо ребят. Ими оказались Аркаша и Филипп. В отделении ночью мальчишкам, конечно, досталось. Их сильно прижали сотрудники милиции, допытываясь до истины. Позднее за них вступился свидетель из гаража. Он подтвердил, что это случайно попавшие на место преступления мальчишки, и он никогда раньше не видел их в этой компании.

В общем, я в отношении Аркадия оказался совсем не прав, засомневался в нём. Не разобрался до конца, послушал эту старуху, которая его отца ненавидела, а заодно и внука. Парень

стал пропускать школу, тренировки в бассейне, не отвечал на звонки, игнорировал моего сына. Галя и Фил сильно переживали.

Собравшись с мыслями, я отправился домой к Аркадию, понимая, что застать я его могу только у бабки. Аркаша открыл мне дверь. На лице гематомы, в растянутой майке и синих трико, босой, он молча стоял передо мной. Ему сильно досталось по почкам, а оказалось, что у Аркаши это вообще слабый орган. Я извинился, но он цепко стоял на своём: «Если я такой плохой, зачем продолжать дружбу с вашим хорошим сыном?»

Я просил у него прощения несколько раз, а потом настоял на том, чтобы Аркадий пришёл со мною к нам. Сочинили бабке записку, я дописал всё, что я о ней думал, совсем не стесняясь в выражениях. И привёл Скворцова к нам домой.

Марина, если Аркадий пообещал, то рано или поздно он выполнит обещанное. Он умеет отвечать за свои слова. Не надо в нём сомневаться. Вы мало знали друг друга до свадьбы, но поверь мне, я знаю Аркашу гораздо лучше тебя!..

Мы миновали с Марком Дмитриевичем парк и только вышли на пешеходный переход, как серая «девятка» моргнула нам фарами. Через пару минут к нам бежал в джинсах и светло-голубой рубашке Филипп.

– Привет, – запыхавшись, выдал молодой Лазуренко. – Марин, Аркаша звонит тебе, ты не отвечаешь. Я уже домой к вам заехал, потом сообразил, что сейчас время для прогулки с Алиной. Аркадий не знает, что и думать! Слава богу, я нашёл тебя!

– Я телефон на зарядке оставила, всю ночь и утро ждала звонка. Аппарат разрядился полностью.

Филипп протянул на ладони свою «раскладушку»:

– Позвони ему сейчас. Он там с ума сходит.

Я набрала нужный контакт. Скворцов ответил сразу, я с наслаждением слушала приятное гнусавое «Алло».

– Фил!

– Кадя, это Марина.

– Ну-у Марин!.. Я звоню уже два часа. Что с телефоном?

– Выключен, стоит на зарядке. Я гуляю с Алиной и Марком Дмитриевичем.

– У вас всё хорошо?

– Да. Как перелёт?

– Нормально. Всё нормально. Фу-ух! Не пугай меня так больше... – приятно картавил Скворцов. – Всё! Я работать.

– Кадя!

Аркадий выдерживал паузу, а я говорила с мужем, глядя в серые глаза его друга:

– Кадя, я люблю тебя.

– Отлично, Марин. Всё. Я ушёл.

Раздались короткие гудки завершённого разговора.

Филипп смотрел на меня, жадно ловил даже малейшие изменения в мимике, а получив обратно свой телефон, опустил глаза. Я задержала ладонь на его руке.

– Филипп Маркович, ты очень славный. Искренне желаю тебе встретить хорошую девушку. И очень хочу, чтобы ты был счастлив, Фил.

– Спасибо, Марина.

– Вот список, – отец протянул Филиппу сложенный листок бумаги.

– Я всё привезу.

Марк Дмитриевич положил сыну руку на плечи, привлекая к себе, в то время как молодой Лазуренко ловил мой взгляд, поджимая губы.

Внешне Филипп интересен: чуть выше среднего роста, худощавого телосложения, коротко стриженные тёмные волосы с лёгкой сединой на висках и намечающимися залыси-

нами, овальное лицо с приятными мягкими чертами, добросердечным взглядом серых глаз, полные губы с ярко выраженной «галочкой». На правой щеке у Лазуренко темнела родинка, что придавало ему некий шарм. Он старше меня на пять лет, как и Аркадий.

В один из летних июньских дней я торопилась навестить мужа на работе.

– Кадя!

– Привет, Марина! Я уже закончил, – ответил Скворцов и надевал синий пиджак.

Я приблизилась к мужу и поправила воротник и галстук, разглядывая своего деловитого бизнесмена. Он смотрел мне в глаза и выдерживал визуальный контакт.

– Ух, красавчик!

Он кивнул, потом напрягся.

– Что за шум? – Аркадий распахнул дверь своего кабинета, так и не вдев вторую руку в рукав пиджака. – Что происходит?

– Дана Асхатовна с визитом к Филиппу Марковичу, – ответила полногрудая Ульяна Ильинична.

Она работала офис-менеджером уже давно. Первое время шутила над молодыми руководителями, но видела рост организации на протяжении десяти лет и больше колких шуток в адрес Лазуренко и Скворцова не отпускала, несмотря на то, что она им по возрасту годилась в матери. Ульяна Ильинична стала обращаться к успешным предпринимателям по имени-отчеству и на «вы».

– Ясно, – Аркадий привередливо сложил губы и нахмурился.

Отдельные фразы просачивались в приёмную, так как разговор супругов строился на повышенных тонах. От этого становилось неудобно и хотелось испариться, чтобы не слышать семейную беседу.

– Конечно! Конечно, Филипп! Ты понимаешь, как ты меня подставил? – елеинно-тягучий, грудной голос Даны через щели вползал в приёмную.

– Дана, спокойней... – отвечал Фил.

Я всегда считала, что вывести из равновесия Лазуренко вообще невозможно, настолько он уравновешенный и вдумчивый человек. Что бы могло случиться, чтобы он рассердился, даже не представляю. Увидеть его под действием сильных негативных эмоций практически нереально.

– Вот совпадение: у моей подруги юбилей, который она отмечает с размахом, и я вынуждена была идти на торжество одна, без тебя, потому что твоей матери вздумалось прикинуться умирающей. В который раз, кстати? Я что-то уже сбилась со счёта.

– Дана, у мамы диабет.

– Ну конечно! Масса совпадений. До тебя не дозвониться! Что я должна была думать?!

– Я случайно оставил телефон в маминой квартире, когда спешил за машиной скорой помощи в больницу.

– Ах, Фил! Разумеется, Фи-и-ил! И всю ночь тебя не было, Фи-и-ил.

– Я был с матерью в больнице, Дана.

– Ты думаешь, я в это поверю?

– Можешь не верить. И раз так, то... – Филипп открыл дверь своего кабинета и предстал перед нами в светло-сером костюме. – Всем до свидания!

– Лазуренко! Лазуренко! – кричала Дана. – Кристинку ты не увидишь!

Аркадий поспешно вывел меня из офисов «АРСФИЛ».

Мы только хлопнули дверьми BMW, как синий «Рено Меган» скрылся за поворотом.

Дана выбежала на крыльцо. Она была в красном брючном костюме с укороченными рукавами расстёгнутого пиджака. Полы жакета развевались в разные стороны на ветру, а волосы лезли в лицо, закрывая обзор. В её ушах бликовали длинные серьги, на руках – множество

браслетов и колец. Она в бешенстве приблизилась к белой Kia Sportage. Автомобиль неровно покидал стоянку перед зданием. Аркадий по громкой связи набирал друга, аккуратно управляя своей «бэхой»:

- Фил?
 - Аркадий, извини, я сейчас не готов говорить. Слишком раздражён.
 - Куда поедешь?
 - К матери, конечно.
 - Ясно. Звони, если что.
 - Договорились, – произнёс Филипп, и вызов был завершён.
- Аркадий молча порулил по улицам Заводоуковска.

Примерно через две недели после этого инцидента я снова заглянула в офис к мужу. Аркадий с Филом в моём присутствии изучали финансовую отчётность. Где-то отмечали положительную динамику, а где-то, наоборот, каждый из них огорчённо вписывал в свой ежедневник промахи. За двенадцать лет существования «АРСФИЛ» оба друга стали большими профессионалами не только в основном направлении деятельности организации, но и в других важных секторах: финансовом, кадровом, маркетинговом и так далее.

Филипп в белой рубашке и серых брюках, Аркадий в голубой рубашке и чёрных брюках. Оба симпатичные внешне и увлечённые своей работой. Я наблюдала за ними и не вмешивалась в разговор. Кадя встречался со мной взглядом, смотрел долго, молча, но без привычной прохлады в голубых глазах. Филипп отвлекался на меня для доброй улыбки.

– Погода прекрасная. Идите и погуляйте вдвоём. Утро вечера мудренее, – спокойно произнёс Лазуренко и надел колпачок на ручку. Раздался щелчок.

- Согласен. Как Галина Тарасовна?
- Скоро домой. Передаёт привет.
- И ты передавай от меня. Я завтра ещё здесь, потом уезжаю.
- Да, я помню, Аркаша.
- Филипп! – раздался голос Даны, елеинный, приторно обволакивающий.

Лазуренко нервно дёрнул губами.

Она медленно вплыла в кабинет, покачивая бёдрами, и склонилась над мужем. Каскад тёмных волос скрыл Фила.

- Добрый вечер всем, – мягко обратилась она к нам.

Аркадий поздоровался и направился к своему креслу. Я ответила на приветствие и встала из-за стола.

- Филипп, возвращайся домой, прошу тебя. Кристинка переживает.

– До-мой, – по слогам повторил наш кум, всё так же скрытый за тёмными волосами жены. – А я бездомный.

– Не говори глупостей. На том юбилее тебя ждали люди, которые хотят иметь в друзьях высококлассного юриста.

– Хм-м! А меня об этом спросили: хочу ли я заводить знакомства с твоими друзьями? И свою высококлассность я зарабатывал сам. Я никому этим не обязан, кроме себя.

- Да, Фил, да!

– И ещё: я никого из твоих друзей не допущу в «АРСФИЛ». Это и моё детище тоже! Точно такое же, как Аркаши.

– Филипп, неправа я была, – Дана звякнула браслетами на руке и села рядом с мужем. – Неправа.

- Всем до свидания. Мы уходим, – попрощалась я.

Лазуренко смотрел мне в глаза. Серая тоска отражалась в них. Мне стало мучительно больно за кума. В душе хотелось взять его за руку и увести от Даны. Не заслуживает он даже

повышенного тона в диалоге. И в суде Лазуренко выступает предельно спокойно. Вмешиваться в их личный разговор не собирались ни я, ни Аркадий.

– До свидания, – медленно проговорил мой муж и сурово посмотрел на эту пару.

Лазуренко привстал и протянул другу руку.

Чем закончилась супружеская беседа, мне неизвестно. Но то, что наш кум вернулся жить на улицу Вокзальную, дом шестьдесят три, – факт.

Да, я знала, что они с Даной часто ссорились из-за командировок Филиппа. Ведь в начале их общего бизнеса Аркадий и Фил ездили по объектам по очереди. Жена Филиппа сильно ревновала, была несдержанна. Видимо, в паре яблоко раздора было не одно.

Глава третья

Летним днём я повстречала в городе свою любимую подружку – Лилию Власову.

Максим был в саду, а Алина дома отрабатывала танцевальные связки. Аркадий, как всегда, в командировке. Я набрала номер мужа. Продолжительные гудки, нет ответа. Вздыхнув, я положила телефон в сумку, опустила на нос солнцезащитные очки и зашагала по улицам Заводоуковска в поисках развлечений – в лёгком летнем костюме нежно-голубого цвета с мелким красным рисунком, в белых босоножках на невысокой шпильке.

Лиля догнала меня уже за поворотом на Большую Базарную улицу.

– Марин! Марина! Ты чего? Я тебе кричу-кричу... – Она оказалась прямо передо мной. – Привет!

Укороченная джинсовая юбка с необработанным рваным краем и белая футболка с текстовым принтом смотрелись на её точёной фигурке красиво, скрывая возраст тридцать плюс. Подруга тряхнула тёмными волосами и сняла круглые очки со светло-коричневыми стёклами, скрывающими яркую синеву добрых глаз. Полные губы чуть тронуты розовой помадой, ресницы подкрашены тушью, а в остальном – естественная красота русской девушки.

– Привет! Я Каде звонила.

– Большой босс снова в командировке? – намеренно сграссировала она, копируя особенность говора моего мужа.

– Да, – я с грустью посмотрела в лицо синеглазой брюнетке.

Лиля вздохнула и заключила меня в объятия.

– А Филушка в офисе пропадает?

– Да. У них что-то с последним контрактом пошло не по плану. Оба переживают.

– Понятно. Слушай, я приглашаю тебя к себе сейчас, – Власова повеселела и взяла меня под локоть. – Погода чудная, но мне хочется поболтать с тобой. Маргаритка и мама под Тверь уехали, а я с кошкой Нюшей осталась. Соглашайся! Ну же!

– Хорошо, идём, – не раздумывая ответила я.

Мы забежали в пекарню и взяли чем побаловать себя, как в школьные годы.

Оказавшись в квартире Власовой, я погрузилась в воспоминания, расхаживая по комнате подруги. Как же не окунаться в прошлое, если всюду висят фотографии прошлых лет?..

На стене оборудовано место для распечатанных снимков. Лилия давно увлекается фотосъёмкой. Она отлично разбирается в ракурсах, зуммерах, светотени и всём, что прямо или косвенно связано с моментами запечатления всего лишь мига нашей жизни. Подруга периодически отправляет свои работы на выставки. Её юношеское хобби имеет продолжение и во взрослой жизни.

Я разглядывала развешанные фото. Очень много снимков с её возлюбленным Данилом – кудрявым низкорослым брюнетом с серыми глазами и резковатыми чертами лица.

Лилия до моей со Сковрцовым свадьбы познакомилась с друзьями Аркадия и из этой компании выделила Савву Клементьева. Кстати, Клементьев тоже кудрявый. Савва на тот момент уже строил прочные отношения со своей нынешней супругой, после росписи молодожёны Клементьевы переехали в Ялуторовск, где и живут в настоящее время, воспитывая уже троих детей.

Чуть позднее судьба свела мою подругу с Данилом. Они ровесники. С самого начала их отношений я бы никогда не подумала, что Даня станет инфантильным бездельником. Он и сейчас нигде не работает, зависает в компьютерных играх и балуется в большом объёме лёгкими спиртными напитками.

Совместная жизнь Лили и Дани длилась на протяжении одного года, в остальном это встречи на чьей-то территории, недолгое пребывание рядом и снова расставание на продолжительное время. Даня требовал от подруги финансового содержания. Лиля верила своему ухажёру, работала за двоих, оправдывала его поступки: Данил с редкой специальностью – мастер по ремонту промышленных рефрижераторов, поэтому устроиться на работу в нашем городе никуда не может. Переучиваться на что-то более востребованное на рынке труда он тоже не может – из-за отсутствия должного финансирования. Трудиться рабочим не хочет, ведь великий узкопрофильный специалист не должен иметь в трудовой книжке запись, умаляющую уровень уникальных знаний Данила.

В общем, всё это длится и по сей день. Но всем нам понятно, что мужчина с сильно выщипанными русыми волосами – абсолютно безынициативный лодырь и паразит. Лиля после каждой ссоры уезжала в командировку за границу, там зализывала раны, обещала не встречаться с кудрявым объектом своей страсти. Увы и ах! Как только он нарисовывался на пороге её квартиры, все клятвы «забыть и забить» разбивались о его обещания создания идеальной супружеской пары. Лиля расцветала и прощала всё!

Так повторялось много-много раз и после рождения Маргаритки. Её убеждали все: родные, университетские приятели, вся наша компания. Даже философия создания леденящего крошева для рассудка и сердца от Филиппа Лазуренко не действовала на Лилию при случайной встрече с объектом любви. Все самые трепетные чувства Лилии к Данилу сопровождались слезами и бесконечным ожиданием. Подруга не желала подыскать себе другого претендента на руку и сердце.

– Лиль! – позвала я.

Власова вошла в комнату и поняла, что я снова вижу её тоску по любимому. Она замотала головой и прислонилась лбом к тёмному дверному косяку:

– Не могу больше! Не могу больше его ждать!

Слёзы прочертили светлые полосы по её щекам. Я обняла подругу, понимая, как ей тяжело признать, что у них с Даней нет будущего, а ещё сложнее, что она одинока.

– Зачем тогда держишь фотографии на виду?

– Не знаю, Марин... – звонкий голос подруги звучал подавленно. – А знаешь, давай я сегодня... вот сейчас всё уничтожу, выброшу и начну жить сначала.

– Давай, – поддержала я в который раз.

И Лилия начала срывать и сбрасывать в мусорный мешок с полок, со стены общие фотографии с Данилом. Я их рвала на части с особым чувством и мольбой больше их тут не увидеть. Подруга, стиснув зубы, действовала решительно, размазывая по лицу помаду и тушь, растворяющиеся в щедрых реках солёных слёз.

Лилия вошла в раж и убирала с глаз долой всё-всё, что связывало её с этим человеком.

– Помню, как твой Скворцов спустил с лестницы Даню, когда вы были у меня в гостях.

Я рассмеялась, вспомнив этот инцидент.

Аркадий всюду сопровождал меня на последних месяцах беременности сыном. Мы пришли в гости, а Лиля угощала нас чаем с вишнёвым пирогом – творением рук своей матери. На пороге квартиры появился Даня. Он был сильно навеселе и угрожал Лиле, требуя денег. Лилия на тот момент, как и я, ждала ребёнка. Кудрявый молодой человек схватил её за шею, а Аркаша это увидел. Он заступился за мою подругу, сгрёб будущего нахального отца в охапку и потащил для разборок на улицу.

По лестничным маршам они спустились благополучно. Правда, Данил пытался вырваться из цепких рук моего мужа, создавая ненужный шум в подъезде. Скворцов вывел назойливого шантажиста на крыльцо и отпустил, а тот не удержал равновесие, оступился, скатился по ступенькам и упал лицом в грязный снег. Пьяному море по колено: с Данилом ничего серьёзного не случилось. Аркадий пихнул его ногой в ягодицу, отчего последний, поднимаясь на ноги,

ещё раз оказался в луже с грязным месивом воды и снега. Данил, извергая проклятья в адрес Аркаши и Лилии, вынужден был удалиться восвояси. Лиля и я эту сцену наблюдали из окна, сгибаясь от хохота.

На свет появилась синеокая Маргаритка, ровесница нашему Максиму (с разницей в два месяца). Естественно, встречала Лилю с новорождённой дочкой из роддома наша весёлая и дружная компания без участия отца ребёнка.

Я и Аркаша подошли к роддому с колясочкой, в которой сладко спал наш светловолосый мальчик. Филипп подъехал на синем «Рено Меган» с Лилиной мамой. Они привезли нужные вещи. Огромный букет роз, несколько пирогов и шампанское для персонала – всё это было в машине у друга. Аркадий заказал море воздушных шаров красных, белых и розовых оттенков. Шарами украсили комнату, где Филипп и Аркадий накануне собирали светлую кроватку для малышки, а мама подружки подготовила уходовый уголок, ожидая домой внучку.

Теперь Фил и Кадя тянули спички, кто будет принимать на руки новорождённого. Аркаша активно предлагал свои услуги.

– У меня опыта больше, – шутил мой муж, отплясывая на улице.

– Вот и замолчи, – оттолкнул его Филипп. – У меня дочка и ещё одна дочка, только не совсем от меня.

Мы, все трое, засмеялись. Но персонал акушерского отделения хорошо запомнил танцы молодого предпринимателя с транспарантом «У меня родился сын!», потому что многие сотрудники глазели в окна и указывали на нашу толпу пальцем. Скорее всего, мой муж окажется в пролёте.

Да, короткая спичка оказалась в пальцах Филиппа. Он радостно принял малышку в кружевах и тёплом конверте на руки, адресуя девочке и её матери баснословное количество поздравлений. Мама моей подруги с нежностью наблюдала за происходящим и радовалась, что у Лилии есть такие надёжные друзья. Конечно, подружка кинулась в мамины объятия, потом мои и Аркашины, собирая ото всех нас поздравления, цветы, шары и радостные улыбки. Филипп нёс на руках новорождённую девочку, бережно и трепетно прижимая к себе красивый свёрточек и медленно следуя к автомобилю.

Аркадий передал угощение медицинскому персоналу, пожал руки и скромно поблагодарил:

– Всем спасибо. Танцев не будет.

– Вот если бы отцом был Филипп, вообще было бы идеально! – Женщина прижала нашу Лилечку к груди и поздравила с рождением дочки.

– Мам, – пролепетала Лилия и чмокнула в щёку меня. – Наш Филипп уже женат и единственный отец. Фил классный, но я не люблю его, как и он меня. Мы с ним в очень тесных дружеских отношениях, и всё из-за Скворцовых. Марина, ты счастливая!

– Конечно, рождение детей – всегда счастье.

Несколько кадров, запечатлевших трогательный момент, упадут бумажными фотографиями в три фотоальбома в разных частях Заводоуковска.

После рождения и регистрации дочери на свои имя и фамилию Данил стал воздействовать на Лилю через ребёнка. Года три назад я и Филипп при содействии нашей общей знакомой из органов опеки, Светланы Адамовны Пиц, помогли Власовой лишить Даню родительских прав. Он перестал общаться со всеми, кроме Лилии, продолжая набегамися рвать ей сердце и душу.

Сегодня же Лиля, по крайней мере, пытается поставить жирную точку в их отношениях. Надеюсь, она не превратит её в очередной раз в запятую.

...Стены и полки опустели, но Лилия не отчаялась: распахнула коробку и, по очереди оценивая качество снимка и выбирая лучшее, тут же крепила на прищепку новое изображение. Пустота заполнилась добрыми улыбками из детства, юности, поездок, портретами самой Лилии

и Маргаритки. В центре она пристроила большой снимок с моей свадьбы: Аркадий и Фил уже без пиджаков, расслабили галстуки и заключили нас в объятия. Лиля в нежно-лиловом декольтированном платье, волосы подобраны и подколоты красивыми шпильками с крупными бусинами, а отдельные прядки свисают вниз и обрамляют приятный овал лица обладательницы глубоких синих глаз.

– Вы мои самые любимые и единственные друзья: ты, Филипп и Аркаша.

Видеть принятие правды жизни у Лилии мне одновременно и радостно, и больно. Как близкая подруга, бесспорно, хочу видеть её сияющие глаза, желаю личного счастья и крепкой семьи. Хотя у самой тот ещё режим ожидания: от встречи к встрече, от начала командировки до возвращения из неё.

Я открыла в телефоне «галерею», пролистывая кадры с Аркадием: здесь и свадебных немного, и с детьми, а самая любимая, где он, усталый, приехал из командировки и опустил голову на сложенные на столе руки. Да, на этом фото у него холодный взгляд голубых глаз, но даже этот холод меня не пугает и не отталкивает.

Лилия проследила за направлением моего взгляда:

– Ух, Кадя, цени свою Марину. Она такая одна!

Я набрала номер супруга.

– Аллю, – как-то развязно прозвучал голос Аркадия.

– Кадя, я так испугалась! У тебя всё хорошо?

– Да, – на выдохе ответил он.

– Кадя, поговори со мной.

– Ну-у Марина... Не сейчас. Я скоро приеду. Всё, пока.

Я уставилась на погасший после нашей беседы экран телефона. Гаджет с моей ладони съехал на столешницу.

– Вот так мы общаемся, – прокомментировала я.

Лилия приобняла меня за плечи и нажала на видеозвонок Филиппу Лазуренко.

– Девочки, миленькие, вы такие очаровательные! Вы такие красивые! Я вас обеих очень-очень люблю, правда! Но сегодня мне не вырваться из офиса. Тут проблемки у нас. Решаем. Босс злится.

– Филипп Маркович, снова к тебе в гараж в топку много плохих кадров просится. Лилия готова ими снабдить, – произнесла я.

– Я понял. Заеду после десяти вечера. Держи нашу Лилию, Марин.

Фил покачивался в офисном кресле. На нём была рубашка оливкового цвета, подчёркивающая серый цвет выразительных глаз нашего кума.

– Лилечка, славная, твой мужчина ещё не дошёл до тебя.

– Филипп, мне уже тридцать два года. Либо этот мужчина идёт не той дорогой, либо скорость у него, как у фарфоровой улитки. Когда он дойдёт-таки до меня, – Лилия чуть оттянула нижнее веко у глаза, – я состарюсь.

Я засмеялась, Фил прятал лицо за ладонью, подавляя смешок.

– Уверяю, всё случится гораздо быстрее, – улыбаясь, ответил он.

– Точно? – Лилия указала в камеру пальцем.

– Абсолютно! – Он сделал характерный жест головой, стараясь не смеяться. При этом лицо его стало красным.

– Филушка, я тебе поверила и решила, что обратного пути не будет!

– Ты мне каждый раз это обещаешь, а потом разбиваешь своё сердце, – напомнил Лазуренко, вскинув голову.

– Нет, Фил, всё! Железно! Я начинаю жить заново, восстанавливаюсь из пепла, – твёрдо произнесла Лилия, расправив плечи, и тут же их опустила, состроила печальное лицо и захлопала ресницами. – Филу-ушка-а, мне тяжело-о.

– Конечно, тяжело. Лиль, но твоему сердцу необходимо больше времени, чтобы принять то, что давно известно разуму. Просто нужно время. Не надрывай сердце! Мы рядом, поддерживаем. И ещё знай: твой Даня – трус, потому что он смог пробудить в тебе великое чувство абсолютно без намерения любить тебя в ответ.

- Как хорошо, что есть ты со своей философией! Она лечит.
- Я рад, Лилечка.
- Целуем тебя, Филипп Маркович, – махнула я в камеру на прощанье.
- Взаимно, – ответил Лазуренко, и экран погас.

В обеденный перерыв мы с подружкой отправились в офисы «АРСФИЛ». Обе в светлых летних платьях и босоножках, мы скрывали глаза за стёклами солнцезащитных очков, приближаясь к трёхэтажному зданию.

Супруг очень настаивал на моём участии в дизайне своего кабинета.

Аркашин кабинет вытянутой прямоугольной формы с двумя окнами. Его просторная рабочая область – Г-образно составленные столы – размещена между ними. Малое окно около короткой стороны стола оформлено шоколадными римскими шторами, которые Кадя открывает наполовину из-за яркого света в тёплое время года. За его шикарным кожаным креслом имеется большое окно, декорированное сетчатым тюлем и полублэкаутом коричневого цвета.

Тёмный мебельный ансамбль включал два средней высоты стеллажа под документы и сейф, которые удобно встроились в нишу с правой стороны от стола генерального директора, рабочий стол с тумбами и стол для переговоров, окружённый коричневыми кожаными креслами с хромированными металлическими элементами. Стена с малым окном по краям дополнена панелями в тон мебели, декорирована стеклянным светлым модульным панно с авангардной тёмной спиралью, крепящимся современными серебристыми болтами, а на противоположной стене висели картины в тонких чёрных рамках с изображением песка. Серо-коричневое покрытие с плотным ворсом закрывало весь пол в кабинете. Стены оформлены фактурной штукатуркой с разводами цвета речного песка. Потолок белый, подвесной, сложной конструкции, освещённый как по периметру встроенной зоны, так и поперечно вложенными светодиодными прямоугольными светильниками, равноудалёнными друг от друга.

Напротив большого окна, ближе ко входу, стоял кожаный стильный диван, а также небольшой шкаф в цвете одного мебельного ансамбля. На рабочем столе – огромный по диагонали моноблок, подставка из камня под ручки. Три разные по высоте светлые пирамиды из стекла, Их, как знак целостности и успешности, я подарила Аркаше после его третьего контракта. Именные вещи на своём столе Скворцов очень любит. Я старалась вовремя успеть нанести инициалы на нужные ему канцелярские принадлежности. Стильные накопители для бумаг установлены по углам стола. Поверхность для подписания документов заняла центральное место рабочей зоны. Возле моноблока стояли изящная подставка под визитки и фотография нашей семьи в золочёной рамке.

Аркаша в компании Филиппа приветливо встретил нас в кабинете с распахнутыми окнами, впускающими уличный жар в помещение. Одетый в белую рубашку с короткими рукавами и в светлые льняные брюки, муж двигал корпусом в такт негромко звучащей музыке, продолжая сидеть в кресле руководителя. Скворцов притопывал ногами в светлых туфлях. Он поджимал губы, кокетливо улыбаясь. Филипп растёкся в кресле напротив него за столом переговоров и, наблюдая за другом, качал головой. Кум сегодня был в льняной рубашке песочного цвета с короткими рукавами и воротником-поло, в лёгких брюках, коричневых мокасинах и, конечно, в очках прямоугольной формы.

- Мальчики! Приветики! – Лиля обнялась с обоими, рассыпая комплименты.

Фил расплылся в улыбке, а Аркадий смущённо запустил в волосы пальцы, нарушая утреннюю укладку. Я подошла к мужу и поправила выбившиеся пряди, купаясь в голубых озёрах его глаз.

– Здравсте-здрасте, – грассировал Кадя, растягивая кривую улыбку и усаживая меня к себе на колени. – Мы заказали обед.

– Кто конкретно? – спросила я.

Аркадий указал на поднявшего вверх руку Фила.

– Филипп Маркович, ты просто душка! – похвалила я кума и села в кресло рядом с ним.

Лазуренко одарил меня восхищённым взглядом серых глаз и доброй улыбкой. Он по привычке восхищался нашей красотой и сказал, что я и Лиля – звёзды. Как приятно получать комплименты! Аркадий был скуп на любезности.

Лиля устроилась с противоположной стороны от нас за столом для переговоров.

– Кадичка, миленький. . .

– О, фак! Началось, – вырвалось у Аркаши, и он, смеясь, закрыл лицо ладонями.

Я и Фил перебрасывались шутками, хотя просьба, с которой пришла к нему Лиля, была далека от юмора. Аркаша подпёр рукой подбородок и лениво играл декоративной пирамидкой, держа её в свободной руке.

– Кадь, возьми на работу Даню.

– Что?! Этого лентяя?..

Лиля подбирала слова для диалога.

– А как же его нежелание работать не по специальности?

– Аркаша, он на всё согласен.

– Что я слышу? – удивился Филипп и сел ровнее.

– Лиль, у меня размораживать и замораживать нечего, – ответил Скворцов. – У нас в «АРСФИЛ» рефрижераторы не водятся, только насосы и перекачивающие агрегаты для транспортировки газа, воды и нефти.

– Кадичка, он клялся и божился научиться. Лишь бы работать.

Фил снял очки и недоверчиво покачал головой.

– Один шанс я ему дам. Только один. В нашей организации даже текучки нет. Все рабочие активно участвуют в качественном выполнении своих задач. Я контролирую всё сам, – с привычной картавостью проговаривал мой супруг. – Шанс даю только потому, что знаю тебя давно, Лиля. Один шанс! Фил, давай с ним договор гражданско-правового характера на одну ближайшую командировку. Я даже предоставлю ему место в своей машине, хотя его общество мне противно.

– Я бы и этого не делал, – отозвался Лазуренко. – Лилечка, ты должна быть независима. Порой люди уходят из твоей жизни. Главное, чтобы в тебе с их уходом не образовался мрак.

Аркаша многозначительно повёл головой, а я кивала, соглашаясь с фразой Лазуренко.

– Филушка, я понимаю, но я сейчас на гребне волны, – подруга молитвенно сложила руки.

– Только когда волна налетает на волнорез, разбиваясь на капли, это больно, – добавил мужчина в очках.

– Фил, один раз. Пусть! – махнул несколько раз рукой Аркадий. – Пусть ещё раз сама убедится. Я даже попрошу Гриню видео снимать.

– Кадичка! Ты самый лучший гендиректор! – Лиля на радостях воздела руки кверху.

– Он единственный, – уточнил Филипп.

Эксперимент с устройством на работу ухажёра Лилии в ООО «АРСФИЛ» начался. Кудрявый Данил с гордостью подписал все бумаги. Демонстративно в присутствии посторонних

хлопнул Аркашу по плечу, тем самым указывая на панибратские отношения с руководством компании.

Тут он заблуждался: отношений нет никаких. Аркадий шумно втянул воздух, стараясь сохранять спокойствие. Фил качал головой, не веря в удачное продолжение.

Уехать в командировку им всё же удалось. Со слов моего мужа, даже благополучно доехали. Заселились в гостиницу. Аркаша назначил наставников для Данила.

Гриня снимал для нас видео, находясь там же, на объекте. В общем, когда в огромном цехе стали непосредственно обслуживать установки и агрегаты, Аркаша комментировал на камеру задачи и цели. На заднем фоне в оранжевой каске и сером рабочем костюме маячил кудрявый Даня вместе с другими рабочими.

На участке было шумно. Супруг в белой каске и синем костюме перекрикивал гудящие аппараты. Через некоторое время рабочие приступили к выполнению возложенных задач. Они поменяли какой-то узел на установке. Аркадий с интересом рассматривал сломанные детали. Недалеко над пустой площадью курсировал тельфер¹, гружённый различными тяжёлыми предметами.

Бывают и неожиданности на производстве: кусок трубы небольшого диаметра с высоты с грохотом упал вниз. Даня кинулся бежать вдоль агрегатов. Аркаша помчался за парнем. Камера прыгала вместе с ними. По пути Данил скидывал рабочую одежду, спотыкался, падал, поднимался и бежал прочь. А ещё он голосил, перебивая гудёж станций:

– Они меня убить хотят! Мама!

– Стой! Придурок! Сто-о-ой! – кричал ему вслед Аркаша и бежал по пустому коридору. – Придурок!

Но у Дани мелькали пятки со скоростью света. Аркадий остановился, схватился за правый бок, склонился, чтобы выдохнуть и сказал в камеру крайне злым тоном:

– Я за ним дальше не побегу! Лиля! Увидела?! На этом всё!

Лазуренко показал на моноблоке направленное ему по электронной почте отснятое видео. Я и Филипп стекали под стол от смеха. Лиля нервно теребила ремешок сумки и соображала, что ответить. Она сидела с пунцовым лицом.

– Даня просто испугался, – выдавила подруга.

– Какой пугливый мальчик-зайчик! – иронизировал Филипп, сопровождая свою речь жестами. – Да-а, никто из рабочих даже не дёрнулся. Данил летел из цеха не хуже пробки от шампанского! Лиль, он лентяй. Безответственный тунеядец. Тебе стоит прекратить его подсвечивать, и ты увидишь сама, насколько с ним всё печально.

Из глаз подруги текли потоками слёзы. Надежда снова разбилась и превратилась в пыль. Филипп протянул ей аккуратно сложенный носовой платок.

Плечи Власовой содрогались от рыданий. Я обнимала подружку и жалела. Лазуренко сел рядом с другой стороны, заботливо водил ладонью по Лилиным плечам, успокаивая, а сам сдерживал смех, видимо, прокручивая в голове, как и я, заснятый сюжет трудовой деятельности Данила.

¹ Подвесное грузоподъёмное устройство с электрическим приводом, обеспечивает значительную скорость как подъёма груза по вертикали, так и перемещения его по складу вдоль балок.

Глава четвёртая

Алина стояла передо мной и держала в руках мой телефон. Светлые волосы девочки были убраны в хвост, с плеча сползла чёрная с большим вырезом футболка.

– Мам, крёстная зовёт тебя в гости!

– Когда?

– Сейчас.

Я только вышла из душевой кабины, поэтому смотрела на дочь, завернувшись в полотенце.

– Как «сейчас»?.. Я не могу. Мне волосы ещё высушить надо.

– Крёстная перезвонит через пару минут. Тогда сама с ней поговори. Она зовёт тебя одну, без нас, чтобы вы посекретничали, – девочка отпустила в мою сторону характерный жест.

– Что у неё теперь случилось с Даней?

– Не знаю, но голос у крёстной был весёлый.

Я взяла в руки телефон и набрала Лазуренко, он не ответил. У меня внутри всё похолодело. В тревожных мыслях я стала быстрее собираться на встречу.

Я приехала к Власовой домой, сняла кроссовки и с тревогой смотрела на неё, ожидая, что она снова будет лить слёзы и обещать мне не встречаться с отцом Маргаритки.

Лиля уложила волосы, нарядилась в необычное платье лилового цвета, ниспадающее с одного плеча. С двумя фужерами шампанского она встречала меня в прихожей.

– Что отмечаешь?

Подруга не ответила, загадочно тряхнула головой и подмигнула, а потом протянула мне фужер с игривыми пузырьками шампанского, подхватила под руку и повела в гостиную.

– Закрой глаза и не подглядывай.

– Лиля, мне даже страшно.

– Нечего бояться.

Я послушно, с закрытыми глазами, семенила в гостиную, пока не натолкнулась на мужскую грудь. И успокоилась, когда ощутила на губах любимый вкус поцелуя.

Аркадий с огромным букетом стоял передо мной в белой рубашке с короткими рукавами и светлых льняных брюках. Я обхватила мужа за шею, радуясь его неожиданному возвращению.

– Кадя! Кадя!

Супруг подхватил меня и закружил по комнате:

– Привет. У Лили сегодня день рождения. Я не мог пропустить маленькое торжество!

А я только тут, после его слов, об этом вспомнила, хотя уже купила подарок подруге. И схватилась за голову, понимая допущенную оплошность.

– Ты что? Забыла? – криво улыбаясь, спрашивал Скворцов.

– Представь, да. Лиля переполошила меня с утра пораньше. Я в тревоге на такси приехала сюда. Волновалась за нашу Лилечку, в голове путались мысли о том, что ещё мог выкинуть Данил-кудряш. Лиля, мой подарок дома остался. Прости меня, прости! – я сложила молитвенно руки и состроила гримасу покаяния.

Подруга обхватила меня, чмокнула в щёку, а Аркаша глядя на это шоу, задорно посмеивался.

– Съездим за подарком, – подошла к нам именинница. – Вот мой подарок – это твои счастливые глаза, Марин.

– Ну-у, вообще... – пожал плечами Аркаша и сам лучился радостным светом.

Лиля нажала на видеовызов.

– Ух, какие вы все красивые! Лилечка, с днём рождения, наша подружка! Ты самая прекрасная! Самая сияющая и добрая! Самая милая и юморная! От всего сердца желаю-желаю тебе взаимной любви, цветов с берегов солнца и песка, неповторимых встреч на курортах! – Лазуренко стоял где-то в коридоре с искренней улыбкой, бликовал стёклами очков, произнося добрые слова и широко жестикулируя свободной рукой.

– Филушка, дружочек! Я тебя люблю.

– Мы! – выкрикнул Аркадий, втискиваясь между нами. – Мы все тебя любим, Фил!

– Ух! Я вас тоже всех люблю, друзья мои. Мариночка, как сюрприз?..

– Филипп Маркович, ты просто душа! Даришь мне несколько лишних часов с мужем.

Спасибо огромное.

– Кадя, не забывай то, о чём я тебе говорил!

– Не забываю. Фил, обрати внимание на пятый справа насос. Ну, увидишь, он ярко-синего цвета.

Филипп зажмурился и тряхнул головой. Юристу рассматривать технические агрегаты и компрессоры – всё равно, что повару водить шумовкой среди подмёток и стелек. Он краснел, пытаясь подавить в себе желание рассмеяться. Его плечи дёргались. Мы с Лилей хохотали над ним, уже из жалости, понимая, как гуманитарно тяжела в освоении сложная техника. Филипп проморгался, дёргал губами, стараясь принять более-менее серьёзный вид.

– Я знал, что ты мне отомстишь, Аркаша!

– Филушка, держись. Мы с тобой! – выдавливала сквозь смех подружка, едва удерживая гаджет.

– Лилечка, лапулечка, солнышко, нежная наша, цветущая, улыбочивая... – радостно и медленно, слово за словом, выдавал Лазуренко. Жестом он показывал моему мужу уйти из-под камеры, а сам краснел. – У тебя лучезарные глаза! У тебя светлая душа. У тебя сердце, которое умеет трепетно любить!

Аркадий на заднем фоне принимал слова друга на свой счёт, от каждого светился и качал головой, поддерживая уровень задора в компании. Лиля слушала Филиппа и отмахивалась от моего мужа. Я перехватила гаджет.

– Лилечка, я уверен, чуть-чуть терпения, и у тебя всё наладится! – закончил Филипп. – Чин-чин!

Аркадий воспользовался паузой, налил в фужеры шампанское и встал с ними за нашими спинами, выдавая хрусталём приятный «дзинь».

– Аркаша, отдохни за меня. Я не спал всю ночь, – Филипп, улыбаясь, делился с другом неприятностями, жестикулировал и строил несчастное лицо. – Спешно составлял новое партнёрское соглашение, а потом мчался сюда на своём же автомобиле. Мне весь день здесь находиться в этой духоте, без капли воды во рту! Я уже молчу про охлаждённое шампанское! Да ещё следить за пятым насосом! Боже, как я жду вечера! Хотя сейчас только одиннадцать утра. Я просто приду в гостиницу и упаду. Попробуй мне вечером позвонить! Я запущу в тебя туфлём.

Я и Лиля, глядя на Лазуренко, гримасничали вместе с ним.

– Не долетит! – подкалывал друга Аркаша, смакуя шампанское и в наслаждении вытягивая губы, чмокая ими и дразня Лазуренко. – Девочки знают?

– Нет. Я ничего не говорил.

– Девочки, сегодня Филипп подписывает новое партнёрское соглашение, и у нас запланированы поездки на новый объект в Югре. Каждая командировка приносит по три миллиона минимум.

– Во-о-от, Кадичка! Премия, и вы с Мариной летите... Куда? Куда для вас тур забронировать? – Подружка кокетливо пританцовывала, стараясь оставаться в поле зрения камеры. – Я сама с крестниками останусь. Это несложно! А ещё я буду выгуливать вашего Стива, собирать за ним в пакетик продукты жизнедеятельности, чесать ему брюхо и уши, мыть лапы, кормить

и поить. Готова спать в обнимку с пёселем на мягком коврик под лестницей на второй этаж в вашей мегаквартире. Только ты, Кадичка, возьми и отдохни с Мариной вдвоём.

– Лиль, я не могу. Ты посмотри мой график. Я в Заводоуковске на два дня максимум между командировками.

– Аркаша, а Марина?

Аркадий стал серьёзным и отвёл глаза.

– Так. Не омрачаем день рождения. Лиль, ты помни: вечером сладенькое, – переключил тему Фил.

– Тортик будет, я сама вчера испекла.

– Кадя, ну за щёчкой кусочек привези, – Филипп сложил бровки домиком, вызывая у нас улыбку.

Мой муж соорудил противную гримасу, продолжая дразнить друга и аккуратно опуская ладонь на мою талию.

В один из редких вечеров пребывания Аркадия дома я с удовольствием и нежностью наблюдала за супругом. Кадя босой, в домашнем костюме изумрудного цвета, в белой футболке расхаживал в своих владениях.

Аркаша – мерзляк, поэтому во время капитального ремонта в квартире он дал дополнительную работу рабочим: уложить везде пол с подогревом. В остальном мой занятой бизнесмен был только денежной составляющей. И сейчас не об этом.

Из нашей спальни я услышала его негодование по поводу сына:

– Макс! Макс! Я больше не буду собирать! За месяц, наверное, десятый раз складывать тебе железную дорогу точно не буду!

Я вошла в комнату сына: творческий беспорядок, а муж собирал в коробку детали железной дороги. Как же мне хорошо, когда Кадя дома! Я не удержалась и, приблизившись к нему, обняла со спины, целуя в щёку.

– Ну-у Марин! – грассировал супруг. – Ты же знаешь, что я не люблю эти дурацкие телячьи нежности!

Я отпрянула: стало и обидно, и больно одновременно.

– А мне нужны эти нежности, понятно?

Не обернувшись, я покинула комнату, но услышала позади Аркашин голос с интонациями, которые мне очень нравятся:

– Аллю. Доброе утро.

Начался рабочий монолог. Выдохнув, я направилась на кухню.

– Ну да, ну да, – разочарованно повторила я, когда обнаружила, что супруг после завтрака оставил на столе пустые тарелку и бокал.

Кадя никогда не утруждал себя какими-либо делами на кухне, кроме употребления еды.

Несмотря на финансовую состоятельность, из-за переизбытка свободного времени я отказалась от домашних помощников и все обязанности выполняла сама, привлекая постепенно наших детей.

На втором этаже Алина в своей комнате под ритмичные мелодии повторяла у огромного зеркала отдельные элементы танцев, которыми увлекалась с самых малых лет, посещая местную студию и активно тренируясь. Максим, тоже в своей комнате, играл с машинками, сидя на полу, и смотрел мультфильмы.

Аркадия я нашла в кабинете, откуда доносились песни одной из любимых его музыкальных групп. Он собрал детскую железную дорогу и, лёжа на животе перед ней прямо на полу, лениво переводил стрелки через специальный пульт, гоня локомотив с парой вагонов по всей трассе. Поезд на разных скоростях бегал по рельсам, выдавая почти реальный звук стука колёс и гудок.

Забавно смотреть на инженера, который ещё продолжает играть с поездами. Я села рядом с ним. Супруг перевернулся с пультом в руках и положил голову мне на колени, в такт мелодии дёргая стопой. Я запустила пальцы в его густые, волнистые волосы, которые он носил на косой пробор.

– Пора стричься.

– У Даны слишком лёгкая рука, – с дефектом выговаривал Аркадий. – Волосы отрастают достаточно быстро.

– Что поделать... Аркаша, нам Лиля готова подобрать тур. Может, в Италию? Повторим наше свадебное путешествие.

– О, фак. Марин, ты опять за своё? – в голосе Аркадия сквозило раздражение, и он прикрыл глаза рукой. – Я уже говорил, что не могу.

– Ну почему? Неужели ты не доверяешь своему заму? Фил не справится один в течение хотя бы недели?

– Доверяю и справится. Это мой лучший друг. Лазуренко и так остаётся за меня, когда я в командировке, засиживается до полуночи в офисе.

– Кадя, я и дети скучаем. Редко видим тебя, хотим чаще.

– Ну-у Марин, я работаю, – спокойно отозвался Аркадий и сморщил лоб, а потом и вовсе поднёс пальцы ко рту.

– Кадя, убери руку, – пресекла я вредную привычку мужа, продолжая пропускать светлые волосы между пальцами.

Мне нравилось, как выглядят кисти рук моего супруга: большая ладонь, длинные, нетолстые пальцы с овальными ногтевыми пластинами, тыльную сторону ладони рельефно бороздили вены, гладкая кожа здорового розоватого оттенка. Кулак Аркадия выглядел массивно. Муж не носил широкое обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки, оно стало кулоном вместе с крестом на золотой массивной цепочке. Супруг боялся потерять или повредить кольцо во время работы с оборудованием.

– Убрал. Уже убрал! – Он слегка улыбнулся и перевёл стрелку.

Состав погромел в другую сторону, издав гудок.

– Слушай, Света зовёт в сотрудники в отдел опеки.

– О, фак! Марина! – в голосе зазвенела властная, раздражительная нота.

– Кадя, мне хочется работать! Дана работает, Лилия тоже... А я сижу в четырёх стенах!

Мне это не нравится!

– А я не хочу, чтобы моя жена работала! – Он поднялся на ноги, сверкнул холодом голубых глаз и недовольно скривил рот. – Разговор окончен!

Все мои попытки изменить решение мужа приводят к голой демонстрации нежелания Аркаши принять мою потребность в самореализации. И совсем не ради денег! Бесконечные разъезды супруга, его почти постоянное отсутствие дома удручали. Я маялась одна в красивой золотой клетке, принадлежащей Аркадию Скворцову!

– Алло, – супруг ответил на входящий вызов и протянул мне руку, чтобы помочь подняться.

Я проигнорировала его жест, в душе уже негодуя, встала в полный рост и направилась к выходу, но обернулась. Супруг всю что-то строчил в своём планировщике, и я демонстративно хлопнула дверью кабинета.

Эмоции зашкаливали. Так сразу мне не успокоиться!

Вечером следующего дня Аркадий припарковался возле детского сада, который посещает наш сын.

Я шла рядом с мужем, прикрывая шею воротником бирюзового пальто. Аркадий надел поверх белой рубашки тёмно-синюю ветровку. Видимо, синий пиджак оставил на спинке офис-

ного кресла у себя в кабинете. Он вышагивал и ослаблял галстук. Сегодня ветреная и дождливая погода, поэтому детей воспитатели на вечернюю прогулку не вывели. Мы вынуждены подниматься за сыном в группу.

Максим с удовольствием очутился на руках отца. Кадя внимательно рассматривал лицо мальчика, а Макс делился впечатлениями, которые получил за день в саду.

– Добрый вечер, – привычно грассируя, произнёс деловым тоном мой супруг, отпуская с рук сына. – Пожалуйста, напомните заведующей, чтобы она, как и в прошлом году, прислала письмо-запрос в «АРСФИЛ» на спонсорскую поддержку к Новому году.

– Хорошо, Аркадий Игоревич, – отозвалась воспитательница. – А вы не смогли бы быть главным волшебником на утреннике?

– Я? – мой супруг удивлённо вскинул брови.

Аркадий направил холодный взгляд на меня. Я пожалала плечами, тем самым предоставляя ему свободу в решении этого вопроса.

– Ну-у... хорошо, – вдруг согласился мой муж.

Деловой, высококлассный, строгий инженер и руководитель Аркадий Скворцов может быть щедрым и контактным!

Кадя присел на корточки перед Максимом и начал застёгивать молнию на его курточке. Я пристально смотрела на мужа, но не смогла перехватить его взгляд. Он был сильно увлечён сыном.

Алина помогала на кухне: убирала со стола. Максим напевал ей выученную в саду новую детскую песенку.

После ужина перед телевизором я уселась со спицами в гостиной.

Потолок в этой комнате сложной конструкции, сочетающий и подвесную часть, и натяжную – молочно-глянцевую, с центральным и точечным освещением. Центр заняла изящная люстра с кубическими прозрачными плафонами под светодиодные лампы. Такие же плафоны освещали комнату по периметру точечно.

На стенах флизелиновые обои с фактурным абстрактным рисунком на бело-сером фоне. Одна из стен, у которой на оригинальной тумбе находился телевизор большой диагонали, посередине разделена выступающей вперёд вставкой с декоративной штукатуркой сливового цвета. Возле тумбы у окна размещены две напольные разные по форме и высоте вазы сливового цвета, а напротив них – стойка с живыми декоративными цветами.

У противоположной стены стоял серый с чёрным модульный диван, а перед ним – круглой формы небольшого диаметра стол со стеклянной поверхностью. Окно декорировано светлым льняным тюлем и светло-серыми шторами. По стенам развешаны абстрактные картины спокойных тонов. Пол устлан светлым ламинатом, поверх которого у дивана расположился ковёр с гладким ворсом. Ковёр поддерживал спокойные оттенки серого цвета у текстиля на окне и у стен. На диване вразнобой лежат декоративные подушки различной фактуры с цветовой гаммой, использованной в дизайне гостиной.

Мелькающие кадры не привлекали моего внимания. Я вязала дочке свитер. Тёплая и мягкая нитка оливкового цвета медленно ползла между пальцев, постепенно преобразаясь в нехитрый рисунок свитера для Алины.

Аркадий, размахивая руками, вошёл в гостиную, принеся с собой запах сигаретного дыма. Потоптавшись на месте с пультами, он расположился на диване и подсунул под мои руки голову, удобно устраивая её на моих коленях.

– Кадя, я так не свяжу Алине свитер.

– Ну-у Марин...

Привычно грассируя, муж капризно отстаивал свои права на его время у меня. Не любитель телячьих нежностей, Аркаша всё же к ним порой прибегал.

Муж поправил манжеты на тёмно-серых штанах и рукавах лонгслива. Тепло одеваясь сверху, он не носил дома носки. Голые ступни супруга упёрлись в боковину дивана. Мне пришлось отложить на стол своё хобби и погрузить пальцы в светлые волосы.

– М-м-м... – протянул он и довольно улыбнулся, а потом поднял указательный палец кверху. – Ни одной фразы о твоей работе и моём отпуске!

– Хорошо, – шепнула я и провела рукой по лицу мужа. – Кадя?..

– Кстати, я заметил, что Кадей начала меня звать именно ты. Меня никто так не звал. После тебя уже Фил с Лилией подхватили, и твой отец ещё.

Думаю: «Считать эти слова комплиментом или как?», но стало интересно слышать откровения супруга.

– Кадя, расскажи что-нибудь из своего детства, – попросила я.

– А я детдомовский, – ляпнул, не думая, Аркадий.

Муж стал пультом настраивать освещение в комнате, сгущая тени, потом выключил телевизор.

– Не говори ерунды, – я пальцами сжала ему губы.

– Что тебе рассказать? Не самый хороший период в моей жизни. Я стараюсь его забыть.

– Было всё так плохо?..

– Не всё, но счастливым детство я не назову, – Аркаша тронул висок, а потом направил к этому месту мои пальцы. – Чувствуешь?

– Да, – я нащупала впадинку.

– Жил с бабкой. Родителей, кроме их имён, не знал. Жили бедно в той однушке. Старуха рано вставала, будила меня, приводила в сад самым первым и забирала самым последним. Лёгкий ужин – каша, картошка с килькой – и сон. Вся развлекуха – альбом и карандаши, старые газеты и клей. У меня даже целой машинки не было. Две пустые деревянные катушки от ниток, скрепленные проволокой, служили мне автомобилем: «бэхой», о которой я так долго мечтал. – Аркадий рассказывал не торопясь, с паузами, местами усмехаясь то ли с иронией, то ли от отчаяния, сопровождая свою речь особым произношением сложного для него звука. – Ещё был зелёный мяч и несколько сильно потрёпанных книжек. Я в детском саду говорил даже мало. А с кем мне нарабатывать практику вне сада?.. Вечером старуха рано засыпала. В саду я хотя бы наедался вдоволь, наигрывался на два дня вперёд перед выходными... В школе учился хорошо. Я легко запоминал правила, а почерк тренировал дома между строчек старых газет. У меня не было запасных тетрадей, как у одноклассников.

Кадя мягко моргал. Я аккуратно тронула его светлые реснички, муж прикрыл глаза, позволяя мне это.

– Может, тебе и неинтересно, – предположил супруг и встретился со мной взглядом голубых глаз со сквозившей в них неуверенностью и страхом, а потом стал жевать губами.

– Почему ты так решил? Наоборот, – ответила я и чуть быстрее погрузила в волосы пальцы. – Продолжай, пожалуйста.

– С Филиппом я познакомился в конце четвёртого класса... вроде бы. Его семья переехала жить в наш район, ему пришлось сменить школу. А очки он носит с первого класса. Я с ним тесно сдружился. И дружба стала интересной и полезной для нас обоих. Я хорошо ориентировался в теоремах и формулах по математике и физике, объясняя ему, когда Филипп что-то не мог понять. А Фил помогал мне с сочинениями, которые у меня были обычно из трёх предложений. Он заставлял меня много читать вслух. Я так на него злился за это! – Аркадий усмехнулся и скривил рот. – Он, кстати, меня и сейчас периодически проверяет, всё ли я читаю. Однажды в каком-то документе среди слов Филипп запрятал фразу: «Придурок, читай всё, каждое слово. Я всё равно это узнаю, Аркаша». Я подмахнул без прочтения, полагаясь на него, и отдал секретарю для оттиска печати.

Аркадий усмехнулся. Я улыбнулась вместе с ним, представляя себе ситуацию.

– Конечно, он узнал и ткнул меня носом, выделив маркером скрытые слова. С тех пор читаю все документы полностью и вдумчиво, – супруг криво ухмыльнулся и почесал нос.

– Кадя, а дальше?

Я наблюдала за расслабленным, каким-то другим, незнакомо-мальчиковым Аркашей.

– Естественно, я стал зависать в гостях у Лазуренко. У Филадельфии дома даже лежала моя домашняя одежда: синее трико и клетчатая фланелевая рубашка красного цвета. Галина Тарасовна щедро кормила нас обоих и всегда давала с собой бутерброды, яблоко, несколько конфет и овсяное печенье. Почему-то я гостинцы прятал под свою кровать. Съедал так, чтобы старуха не видела, – Кадя хмыкнул и шумно втянул воздух через нос.

Я слушала рассказ внимательно, продолжала перебирать светлые волосы, пытаюсь представить мужа маленьким мальчиком:

– Я не видела ни одной твоей детской фотографии.

– Я всё сжёг в год смерти бабки. В память о прошлом у меня только варан, – Аркадий приподнял плечо с небольшой аккуратной татуировкой, скрытой под трикотажной тканью домашнего костюма. – Да зачем тебе это, Марина?

– Кадя, я прошу, продолжай, пожалуйста, – прошептала я, искренне желая событий из рассказа мужа, наблюдая в нём неподдельную открытость.

– Фотографии у Филадельфии можно спросить. У него точно есть парочка. Ну-у вот... Марк Дмитриевич часто брал меня с собой в гараж, а потом на работу, где я видел всякие насосы, компрессоры, моторы. Мне всё это нравилось, а он поучал: «Учись хорошо, станешь инженером». Я в гараже пачкал руки в моторном масле с отцом Лазуренко, а Фил дома строчил для нас сочинения, переписывал в тетрадь решение задачи по физике и уравнивал синусы-косинусы по тригонометрии.

Теперь я поняла, почему Алина лучше понимает объяснение Аркадия по точным наукам, нежели моё.

Муж замолчал и потянул палец к губам, не изменяя своей вредной привычке. Я аккуратно вложила ладонь ему в руку, а пальцем провела по линии бровей супруга. Аркаша благодарно встретился со мной взглядом, облизнул губы и снова посмотрел вперёд, продолжая рассказ.

– Галина Тарасовна часто обнимала меня, так же вот трепала волосы, жалела. Фил приставал к матери: «Пусть Аркаша живёт с нами». Но даже поздно вечером раздавался телефонный звонок, и я в сопровождении Марка Дмитриевича переступал порог ненавистной бабушкиной квартиры.

Я видела, что, несмотря на возраст, негативные эмоции и травмы, пережитые в детстве, мужа ещё не отпустили. Он часто заморгал и шмыгнул носом. Я прижалась губами к его рту. Супруг подхватил поцелуй в знак поддержки.

– Ага, – после паузы, грассируя, продолжал он. – Мать Филадельфии однажды принесла пакет с новой одеждой для меня: рубашки, майки и штаны. Среди вещей я увидел синие-синие брючки со стрелочками. Когда надел, снимать не захотел. Галина Тарасовна помогла с рубашкой, стоя рядом у огромного зеркала. Я был, наверное, в шестом классе. «Завидный красавчик, Аркаша», – сказала она мне и запустила в волосы пальцы. Вот с тех пор я люблю любые оттенки синего в своём гардеробе.

Я с гордостью развешивал на вешалке новые вещи. Бабушка вернулась с работы и застала меня за этим занятием, стала допытываться, откуда у меня дорогая одежда. Я ей честно ответил, что это подарок от Лазуренко. Старуха упрекнула меня во лжи, обложила матом и обвинила в воровстве. Потом она сорвала с вешалки брюки, а в петлицы уже был вставлен новый ремень. Она с силой ударила ими, а пряжка мне попала в висок.

На следующий день Галина Тарасовна, закрывая собой меня от драчуни-бабули, скандалила с ней в прихожей. Она предупредила: «Ещё раз увижу царапину или синяк у Аркаши, я вас по судам затаскаю». Так я попал под покровительство семьи Лазуренко. А мог ведь вообще

на всё забить, пойти в рабочие или совсем опуститься на дно. Благодаря участию в своей судьбе родителей Фила и самого друга я вышел в инженеры. Теперь у меня свой, довольно прибыльный бизнес.

– Фил говорил на днях, что его мама снова в больнице. Ты навещаешь?

– Нет, не ходил в этот раз. Но обязательно схожу до командировки.

– Аркаша, ты уязвлённый, оказывается.

– Какой есть. Обожаю, когда ты меня жалеешь.

– Я перебираю тебе волосы, – ответила я, – а не жалею.

– Нет. Жалеешь, – повторил супруг и смежил веки. – Мне так нужно.

Телефон на его груди высветил сообщение от Филиппа: «Придурок, говори жене комплименты».

К моему удивлению, в этот вечер Аркадий сам занимался вечерним туалетом нашего сына. Я проверяла у Алины стихотворение Фета. Дочка всегда старалась выбрать для заучивания стихи подлинней. Девочка находила в этом особое удовольствие и усмехалась, рассказывая мне, что одноклассники учат короткие произведения.

– Мама, ну как так можно?.. Ведь в восьми строчках настроение автора не прочувствовать!

– Кому-то лишь бы рассказать и получить заветную оценку, а ты, моё солнышко, ещё умудряешься пропустить смысл через себя. Это уровень, Алин! Я тобой восхищаюсь и горжусь.

– Спасибо, мам. А папа завтра дома?

– Вечером, – я кивнула головой, – днём в офисе.

– Понятно. Я пошла спать. У меня на втором уроке лабораторная работа по биологии. Потом стихи по литературе. Мне к первому уроку, мам. Спокойной ночи.

– Приятных снов, милая, – ответила я.

Получив поцелуй от дочки, пригубила остывший чай.

Когда я оказалась на втором этаже нашей мегаквартиры, то обнаружила мужа в пижаме в комнате Максима.

Сын выжимал остатки времени для баловства, пользуясь тем, что отец увлечённо разговаривал по телефону. Кадя сидел на кровати мальчика, выставив вперед скрещённые ноги, а Макс без устали залезал к отцу на колени и скользил по ногам до самого пола, словно это горка. Мальчик довольно хихикал. Аркадий невозмутимо беседовал, поворачивал голову, а заметив меня в дверях спальни, жестом позвал внутрь. Он указал пальцем на расшалившегося сына, которого я подхватила на руки, и, освобождённый, покинул комнату.

– Ну, вот так! – я усадила разбаловавшегося Макса на кровать.

Со мной он становился дисциплинированным, глядя на меня глазами Аркадия и капризно складывая губы, как отец. Я покачала головой, подмечая сильное сходство детей и мужа.

– Максим, пора спать.

– Ещё чуть-чуть! – зывал мальчик, умоляюще складывая руки в надежде разжалобить меня.

– Нет-нет, завтра в сад.

– Эх! – он с досадой махнул рукой и упал на подушку.

Я поцеловала светловолосого сынулю-капризулю, выключила свет и закрыла за собой дверь его спальни.

Алина висела на шее у Аркаши. Они стояли посередине нашей комнаты.

– Папуль, ну всего один танец.

– Нет, Алин. У меня командировка. Я не могу её отменить из-за сценариев в твоей школе, – привычно картавя, отвечал мой муж, поглядывая на экран гаджета.

– Пап, а как же я?..

– Алина, ты большая девочка, должна понимать.

– Пап, я понимаю, что ты много работаешь, но мне тебя не хватает.

Аркадий сердито посмотрел на девочку, сложил капризно губы и заиграл скулами:

– Я непонятно объяснил?..

– Понятно... – сдалась Алина и, вздёрнув такой же остренький, как у отца, нос, сухо пожелала ему хороших снов. – Мам, пока! – махнула дочка, при выходе из спальни тряхнув копной светлых волос.

После быстрого супружеского секса Аркадий прыгал на одной ноге, пытаясь попасть второй в штанину шёлковой светлой пижамы. Супруг притянул за руку меня к себе и подал мне золотистого цвета ночную сорочку с кружевом.

– Сорочка красивая.

– Эм-м, – вышло у меня в ответ, вспоминая увиденное сообщение от Лазуренко.

Кадя устроился на своей половине кровати и потребовал, указывая на пижамную рубашку:

– Марина, как расстегнула, так и застегни.

– Хорошо, – я кокетливо повела плечом. – Кадя, а о чём ты мечтаешь?

– Не знаю даже. У меня всё есть, – отозвался он, устремив на меня голубые глаза. – Хочу, чтобы ты ни в чём не нуждалась, тратила деньги. А ты?

– Кадь, но деньги в отношениях не главное, верно?

– Ну-у... важное, – муж изогнул бровь и смежил веки.

Я положила голову супругу на грудь и укрылась одеялом. Он, наоборот, выставил правую ступню наружу.

– Хочу больше видеть тебя. Дети тоже хотят. Мы все скучаем по тебе. Хочу, чтобы ты чаще обнимал меня, целовал. Хочу выходить с тобой в кафе, в кино, хочу в отпуск с тобой. Можно и ужин для двоих организовать при свечах. Представляешь, ещё хочется так: в гостиной прямо на полу, шампанское или вино, фруктики, и мы вдвоём. Аркаша, романтики хочу: цветов, конфет, твоего внимания. Кадя?..

Я приподнялась на локте над мужем. Аркадий вовсю сопел. Я провела рукой по волосам супруга, укладывая выбившуюся прядь на место.

– Кадя?

Но Кадя глубоко погрузился в царство Морфея.

Я взяла с его тумбочки телефон.

В почте всё по работе: контракты, заявки, декларации и бесконечное число других документов. Множество чатов, касающихся его деятельности, ни одного подозрительного с представителями женского пола, кроме Лилии. Последнее сообщение от неё – поздравление с двадцать третьим февраля.

Я раскрыла чат с Лазуренко. Фил среди рабочих моментов указывал на необходимость внимания в мой адрес. «Кадя, ты Марину потеряешь! Скажи ей сегодня десять раз “люблю”. А сейчас сделай жене пять комплиментов: глаза, фигура, одежда, причёска, руки, маникюр, духи, вкусно приготовила. Только не за один раз, пожалуйста!!! Включай фантазию, друг!» Аркадий отвечал коротко: «Сделал», «Готово» и так далее и тому подобное.

Я покачала головой, с усмешкой поджимая губы. Молча вернула назад гаджет, выключила светильник на тумбочке со своей стороны и устроилась рядом, чувствуя, что и меня одолевает сон вперемишку с обидой за отсутствие должного внимания со стороны супруга.

Глава пятая

Одиннадцать лет назад, когда родилась Алина, я растворилась в ребёнке.

Аркадий делил дни командировок с Филиппом, чтобы чаще быть дома и помогать. Он мог часами держать на руках дочь, ходить и качать, главное, чтобы во второй руке были любые бумаги, касающиеся его деятельности. Он читал, что-то черкал, исправлял или надписывал, пряча карандаш за ухо или зажимая губами во рту.

Алина часто, бывало, спала на груди у Аркаши, слушая крещендо сердца отца.

Думаю, меня поймут многие родители, зная, как съедает недосып и усталость от бесконечной круговерти, когда есть только одни руки, а ребёнок маленький.

В дни, когда глава семейства отсутствовал, мне на выручку приходила Лилия, а чаще – родители Лазуренко. Как мне было сначала совестно принимать их помощь с ребёнком! Это родители друга моего мужа! Я им вообще никто, и они мне ничем не обязаны. Но Галина Тарасовна ненавязчиво предлагала услуги бабушки, напоминая, что Аркадий для их семьи – второй сын.

Я испытывала неловкость, что трачу на себя и дочь их время. Родители Лазуренко в тот период ещё сами работали, вечером приходили к нам, играли с ребёнком. Марк Дмитриевич в будние дни во время своего обеда катал в коляске Алину, давая мне возможность отдохнуть и выполнить намеченные дела.

Галина Тарасовна никогда не вмешивалась в воспитание нашей малышки с непрошеными советами, полностью полагаясь на современный подход и просвещённость молодых родителей. Если я спрашивала сама, она отвечала на то, что знала, не настаивая, чтобы её совет тут же начал применяться. И ещё мать Филиппа требовала, чтобы свободное время я ни в коем случае не тратила на уборку, глажку и прочие бытовые дела, а только на себя. В выходные Галина Тарасовна увозила нашу дочку на долгую прогулку, а я могла посвятить это время себе: поспать, спокойно поесть, сделать косметические маски, искупаться или заняться ничегонеделанием. Я благодарна от всего сердца кумовьям и родителям Лазуренко за оказанную помощь и поддержку.

Филипп был на расстоянии звонка: любые покупки и их доставка на старенькой серой «девятке». Он тоже активно нянчился с капризной крестницей, с малых лет осыпая комплиментами.

В нашей мегаквартире в первый год супружества шёл ремонт с монтажом поворотной лестницы, соединяющей два этажа. Аркадий сначала купил 48-ю квартиру в многоквартирном доме на улице Щорса. А через какое-то время выставили на продажу квартиру над нами. Он приобрёл и её. Фил помогал мне согласовывать во всех инстанциях перепланировку с необычным ремонтом. В итоге двухэтажная квартира с четырьмя спальнями, гостиной, рабочим кабинетом, отдельной гардеробной, двумя санузлами и кухней, обставленной дорогой, красивой мебелью и по последнему тренду бытовой техникой, служила нам крепостью вот уже больше десяти лет.

Аркадий сам занимался регистрацией и пропиской дочки, разруливая сложные моменты на работе и по ремонту, особенно касающиеся инженерного оборудования. Я совмещала материнство с обучением. Академический отпуск не брала. Алина родилась в июле, а к сентябрю с моим кругом помощников обучение стало вполне реальным. Анна Антиповна, супруга моего отца, была готова приехать помогать, но я её отговорила: помощников мне вполне хватало.

Через год я и Аркадий с маленькой Алиной сами наведались на три недели в Ярцево в гости к моему отцу и его жене.

Кадя радовался, что мобильная связь есть и там. Правда, он выходил на середину улицы и стоял с телефоном у уха почти полчаса, на коленках дописывая нужную информацию в свой

ежедневник. Но чаще всего кричал, нарушая привычные деревенские звуки неспешной жизни: «Фил, я не слышу тебя! Алло! Филипп! Тут дерьмовая связь! Лазуренко! Алло!» Местные собаки и кошки порой отбегали от Аркаши, настолько яростными были его жесты в момент переговоров с Филиппом. Весь район в Ярцево теперь знал в лицо нерадивого нарушителя тишины: зятя и успешного бизнесмена в серых шортах – Аркадия Скворцова, отдыхающего с семьёй у Владимира Ниловича и Анны Антиповны Оленских.

Банька и огородно-ремонтные работы совсем не вдохновляли моего супруга. Он бесился от паутины, наспех сотворённой в предутренние часы пауком. Аркаша раздражался, что в откусываемом яблоке сидит толстяк-червяк, и бросал укушенный плод далеко в кусты, выплёвывая кусок с кислой миной на лице со словами: «А вдруг там голова червяка?» Муж сбивал пальцами севшую к нему на конечность летающую живность, с брезгливой злостью растягивая губы и сквозь зубы выдавая недовольный англицизм: «О, фак!» Он не понимал меня, когда я срывала в теплице огурец и начинала тут же есть, – указывал на отсутствие санитарной обработки.

Но этот заскок у него прошёл под конец отпуска: Кадя допускался Анной Антиповной на разведку в огород, выуживал из-под бархатных резных листьев зелёный пупырчатый овощ, вонзал в него зубы и хрустел вприкуску с редиской, блаженно закрывая глаза.

Аркадий ловил удовольствие от пробежки босиком по сочной изумрудной июньской траве, ковром укрывшей целое поле неподалёку от дома. И наступал он и на островатые неровные камушки и игольчатые травинки, и пальцами ног перебирал серо-жёлтый речной песок, который подвозили и ссыпали на улице пирамидой у соседних домов по этой же улице. В такие минуты Скворцов пребывал в состоянии либо ленивой меланхолии, либо полного удовлетворения, а на его лице появлялась ничем не вызванная лёгкая улыбка.

Муж жмурился от утреннего назойливого солнца, неспешно скользящего по подушке до голубых глаз, спрятанных за шторой века с бахромой светлых ресниц. Луч ласково проходил через ажурную гардину, полз, заливая светом спальню, и устраивался на лице Аркаши, чем делал его пробуждение весёлым. Молодой бизнесмен переворачивался на бок, капризно морщился и прижимал меня к себе, игриво прячась за моей спиной.

Мой супруг радовался:

– Как хорошо, что удобства в доме!.. Я бы не пережил уборную на улице.

– А что такого? Сидишь, мечтаешь, а отовсюду поддувает, жучки-паучки ползают, и свисают на нитях гусеницы и опускаются за шиворот в самый ответственный момент, – выпалила Анна Антиповна, пробежавшись по его руке пальцами.

Аркадий побледнел и присел передо мной на корточки. Я успела отвернуть голову от него, чтобы он не увидел, как я давлюсь от смеха, запуская в его волосы свои пальцы. На самом деле мне радостно за мужа, что он хоть чуть-чуть приблизился к атмосфере моего детства, которое было у меня непрерывным блаженством в неге солнечных лучей и вкусовостей, растущих на грядках и деревьях.

Аркаша вместе со мной ловил языком первые дождевые капли в лёгком танце посередине дороги и мчался, ухватив меня за руку, под потоком воды, стеной льющейся из тёмных грозных туч. А под крышей на крыльце дома смеялся, что вымок до нитки, и хлюпал водой в кроссовках. Безусловно, накрытый простым домашним счастьем отдыха и семейной жизни, он становился для меня ещё более значимым и родным.

В Ярцево его глаза редко обдавали голубым холодом. Здесь Кадя изменил своей дурацкой привычке грызть ногти. Супруг как будто оттаял, неспешно впитывая тепло июньского дня среди зелени и цветов, с наслаждением удивляясь простому деревенско-городскому отпуску.

...Упивался вдоволь парным молоком и самодельным квасом. Пробовал прошлогоднюю медовуху на чердаке дома с подачи моего отца. Угощался соседскими куриными яйцами, глотая их ещё тёплыми. Из окна любовался ночью на озарённое яркими бело-розовыми вспышками-вилками молний чёрное небо, обнимая меня со спины, словно в этом был некий маги-

ческий ритуал. Вдыхал запах утра после дождя, шурился, затягиваясь сигаретой, и зябко тёр ногу об ногу, стоя на крыльце.

...Радовался от души неторопливым прогулкам по грунтовым дорогам, мальчишескому баловству – игре с найденным в сарае почти слутым футбольным мячом, подтягиванию на ветке дерева, беготне за соседскими курицами, свободно разгуливающими по вечерам за забором.

Местный петух, правда, быстро приводил в чувство Аркашу: хлопал крыльями, распушив рыжие перья, царапал цепкими лапами со шпорами землю. Муж спорил со мной, что сорвёт губами яблоко. Надо отметить, что ему это легко давалось с его-то ростом в сто восемьдесят восемь сантиметров. Чем отвечала на спор? Сексом без «ванили» – любимый приз делового Скворцова.

Однажды в утренних потягушках Аркадий подставлял солнцу спину, а мой отец окатил его с ног до головы холодной водой. Я думала, что сейчас посыплется отборная брань, но нет. Аркаша замер, покрылся мурашками со вздыбленными светлыми волосками на руках и ногах и повернулся к тестю. Смахнул воду с лица и сказал с привычной картавостью:

– Было, конечно, круто! Но стоит предупреждать. Я думал, у меня сердце остановится!

– Ничего с тобой не случится! Закаляйся! – с задором в глазах ответил мой отец и вручил зятю пустое ведро, пряча хитрую улыбку под усами.

Муж полюбил звонкий стрекот кузнечиков и сверчков, напоминающий о размеренности вечера, музыку ветра в зелёной листве и травах, темноту, звёздное небо, тёплый воздух, исходивший от земли и самого дома, прогретый полуденным солнцем за целый день, и костёр, в котором у моего отца научился запекать картошку.

Аркадий поддерживал перекуры с отцом, но больше отмалчивался. Когда папа просил помочь, он помогал. Зато муж быстро разобрался с новым бойлером и его подключением, увидел неисправность газового вентиля, привлёк к участию соответствующих специалистов, контролировал весь процесс, не отходя ни на шаг, и оплатил работу.

Во время очередного ужина беседа зашла про устройство дома, и тут Аркадий вдруг, сверкая холодом голубых глаз, дал обещание отцу:

– Владимир Нилович, я вам гарантирую, что построю здесь для вас роскошный дом. Это моя благодарность за Марину, за мою жену, – грассируя, выговаривал он.

Он замолчал, свёл сурово брови, выделяя складки над переносицей.

– Что же, хорошо, Аркадий. Мне будет приятно жить в современном и красивом доме, – отец протянул руку Скворцову, которую Аркадий пожал, не раздумывая.

Супруг сам укладывал дочку для дневного сна и незаметно засыпал рядом под убаюкивание приятного ветра, сквозившего из распахнутого окна. Аркаша наловчился делать из зелёных перьев лука свистульки-дразнилки. Алина смотрела на выдающего смешные звуки папу. Он морщился с характерным передёргиванием, с жалостью глядя на девчущку, засунувшую в рот целый лист кислющего щавеля. Ел раздавленную дочкой клубнику прямо с её ладони, пачкая свой нос, умилялся простым забавам, удивлялся новым открытиям Алины. Малышка смеялась, всегда искала глазами отца и наблюдала за ним, стоящим посреди улицы и эмоционально размахивающим руками из-за качества телефонной мобильной связи в начале двухтысячных годов. Лепил с дочкой кулички из песка, попутно строил дороги и завод для своих насосов и турбин.

Муж мучился от сильной аллергической реакции на ярцевских комаров. У него зудело в местах укусов тело, покрываясь шишками, которые он, выражая недовольство сквозь зубы, расчёсывал до красноты. Спасали медикаменты и холодные содовые примочки. Но в середине третьей недели нашего пребывания в Ярцево даже комары признали Аркашу своим и перестали досаждать преуспевающему бизнесмену, потеряв к нему всякий интерес... или насытившись его сладкой амбициозной кровью.

Я любила сиживать на высоком пороге у крыльца, с упоением созерцая атмосферу летних дней. В зной это было единственное прохладное место в доме. Удивительно было смотреть на привереду-Аркашу, когда он усаживался, зажимая меня в объятьях в дверном проёме с кривой улыбкой и ласковым взглядом голубых глаз. Муж полюбил переплетать со мной руки и ноги.

В Ярцево Алина сделала свои первые шаги. Так что, когда в аэропорту Тюмени нас встречал Филипп, крестница, уцепившись за пальцы отца, гордо вышагивала крёстному навстречу, купаясь в благородном восхищении его серых глаз и потоке нескончаемых комплиментов.

На вопрос друга – «Как отдохнули?» – счастливая улыбка на лице Аркаши и одно слово «Круто!» стали красноречивым ответом.

– Марина показала тебе красоту мира в Ярцево?

– Не то слово, Фил. Это мой третий отпуск за пределами Заводоуковска, но я запомню его надолго. – Ветер влетал в щель окна старенькой «девятки» и трепал светлые волосы мужа.

– Я тебе завидую белой завистью, Кадя, – Филипп скрывал близорукие глаза за тёмными стёклами солнцезащитных очков, шурился и аккуратно вёл автомобиль.

Аркадий сидел рядом, пребывая под впечатлением от отпуска, и не задавал вопросов про «АРСФИЛ». Мы с Алиной устроились позади мужчин. Дочка удобно примостилась у меня на коленях и вскоре заснула под нежный шум колёс и спокойную музыку без слов, негромко звучащую в салоне автомобиля.

Глава шестая

– Марин, доброе утро, – проговорил Аркадий и сел на край кровати, чтобы надеть носки. – У Грини машина сломалась. Я сегодня дома.

– Доброе утро. Отлично, Кадя, – я провела ладонью по его спине.

– Макса сам в сад отвезу.

– Хорошо, – удивилась я и потянулась.

– Алина уже собирается в школу, – сообщил супруг.

Аркадий встал в полный рост. В серых джинсах и белой футболке, поверх которой уже надета серая толстовка, он выглядел расслабленным.

– И в офис не пойдёшь?

– Ну-у... – протянул супруг. – Если Филу нужна будет помощь, он позвонит, и я подъеду.

Стив идёт с нами.

На моём лице застыло удивление.

– Кла-а-асс! – протянула я.

«Что случилось с Аркашей? Дома. Сам Макса в сад везёт. Готов погулять с собакой.

Странно», – размышляла я.

Через полчаса суета стихла, я осталась в квартире одна. В шёлковом халате поверх кружевной сорочки обошла владения, выключая свет. Привела себя в порядок и направилась на кухню.

Чашка горячего кофе уже ждала меня, удивляя всё больше и больше. Я заправила капсулу для Аркадия и продолжила размышлять над резко произошедшей трансформацией в поведении Аркаши, потягивала кофе, а нутро приятно мурлыкало: «Кадя дома! КАДЯ дома! Кадя ДОМА! КАДЯ ДОМА!»

От вдруг свалившегося женского счастья я готова была скакать по квартире, махать над головой руками, танцевать на потолке и запрыгивать на стены! Настолько мне радостно стало, что муж сегодня дома... Улыбка не сходила с моего лица. Сердце колотилось в груди под ритм заводной песенки.

Супруг возвратился. Он шумно суетился в прихожей, а через несколько минут предстал передо мной и пригубил бодрящий напиток из своей чашки.

– М-м-м, горячий! – произнёс Аркадий.

Он подхватывал мой взгляд, всматривался в лицо, а потом потянул на себя за руку. Я вообще удивилась. «Что произошло? Он не заболел? Нет, не горячий», – думала я, послушно следуя в объятия мужа.

– А ещё капсулы есть? – спросил Аркадий, допивая кофе.

– Есть. Повторить?

– Я сам, – он одной рукой заправлял кофеварку, не отпуская меня. – Ты будешь?

– Нет, спасибо, – я удивилась ещё больше.

Аркадий рассматривал меня молча, со спокойным выражением лица, убрал прядь волос за ухо, пальцами провёл по щеке.

– Марин, я...

Рингтон известил о входящем вызове, Аркадий ответил и приложил телефон к уху:

– Аллю.

Безумно нравилось звучание его голоса в этот момент. Аркадий долго и внимательно слушал, удерживая меня за руку. Он водил пальцем по тыльной стороне ладони. Я другую ладонь положила ему на грудь, ощущая рельеф. Ярый противник телячьих нежностей вдруг снизошёл до них! Удивительно!

– Позвони Лазуренко через полчаса. Он уже будет в офисе. Я занят другими делами.

Кадя положил на стол телефон, медленно облизнул губы, не переставая смотреть на меня. Я начинала млеть.

– Какими делами ты занят? – разглаживая на его груди складки на футболке, заинтересовалась я.

– Личными, – коротко, без эмоциональной окраски ответил муж и нежно поцеловал меня.

Чтобы Аркадий волнуяще и неспешно целовал?.. Я не помню такого с момента нашей свадьбы. Он привык руководить, все его движения всегда чёткие, резкие и строгие. Что происходит?.. «Но мне нравится», – мурлыкало моё нутро, создавая приятные вибрации во всех клеточках моего тела и сознания.

Кадя стоял передо мной спокойный, расслабленный, с теплотой в голубых глазах. Я очаровывалась им снова, как в день знакомства.

– Чем планируешь заниматься?

– Днём приготовлю второе.

– Что будешь готовить?

– Мясо с картофелем по-купечески.

– М-м-м, прикольно. Я это люблю.

– Я знаю, вот и решила побаловать тебя.

– Мне приятно, спасибо, – вдруг с лёгкой улыбкой произнёс супруг, особенно выговаривая сложный для себя звук. – Я переодеться!

– Хорошо, – отозвалась я и ощутила новое прикосновение к щеке.

На экране телефона мужа всплыло сообщение от Лазуренко. Я распахнула их чат:

«Не бойся довериться Марине».

«Фил, но выглядеть буду глупо».

«Не будешь, не бойся. Не забывай о комплиментах. Делись историями».

«Да. А вообще ощущения прикольные»»».

«Я рад за тебя. Чувствуй!»

«Фииииил, это моя слабость (((».

«Придурок! Это твоя сила!!!!!!)»)) Любость не может быть слабостью. Главное – говори о ней, не молчи».

Я положила гаджет на стол, не понимая пока, что мне делать с Аркадием и с вот этими прочитанными сообщениями.

Супруг вернулся на кухню в домашнем костюме и заключил меня в кольцо своих рук.

– Мне хорошо с тобой, Марина.

– И мне хорошо, Кадя.

Он снова подхватил мой взгляд, но глаза светились нежностью. Я наблюдала в нём неуверенность, застенчивость, но это только умиляло меня. Руководитель отпускал бразды правления и превращался в умеющего чувствовать.

Я поправила выбившиеся пряди светлых волос, купаясь с огромным наслаждением в излучаемом внимании со стороны мужа, помня о прочтённом диалоге. Я сегодня ни разу не заведу разговор о своём желании работать и про отпуск Аркадия. Это, пожалуй, самые болезненные темы в наших беседах. Если Кадя за день будет много отдавать, я буду брать и впитывать всё-всё до последней молекулы. Я изголодалась по вниманию мужа из-за его вечных командировок и скупости на ласки.

Что послужило сменой поведения у мужа, для меня пока остаётся загадкой, над которой я подумаю позже. Но что Филипп поддерживает нашу пару всегда – неоспоримо.

В объятьях друг друга мы посмотрели утренние новости, завтракали в гостиной, прикасаясь руками случайно и нарочно. Аркадий сам убрал грязную посуду. Позднее он сопровож-

дал меня в магазин, помог с покупками, а в полдень, когда я принялась чистить картофель, Кадя подхватил клубень, нож, принялся чистить и попутно рассказывать о забавном случае из своей последней командировки.

Он делился со мной, а на лице играл мальчишеский задор. Улыбался, собирая морщинки у глаз. Активно жестикулировал и испачканными пальцами касался носа и щеки, оставляя там следы грязи. Я молчала, внимательно слушала, наблюдая за мужем, вставляла восклицания удивления и смеялась вместе с ним. Кадя был сейчас открытым, жизнерадостным, весёлым, простым в диалоге.

Дочищая последний клубень, я взглянула на мужа. Он широко улыбнулся, а потом забрал картофелину себе и шустро очистил её. Я полотенцем стёрла с лица мужа пятна грязи. Он удержал мою ладонь.

Айфон подал сигнал. Кадя мельком посмотрел на экран и не ответил. Это уже совсем чудно! Я в изумлении изогнула бровь: «Чтобы Аркаша не ответил на вызов? Это нонсенс!» Аркаша приложил мою ладонь к губам, а сам продолжал смотреть мне в лицо.

– Марина, я... – Он посмотрел на экран вновь ожившего телефона. Звонил Лазуренко. – Я сейчас. Алло, Филипп. Да, я иду в кабинет.

Скворцов направился к выходу и скрылся. Я в душе давала себе суперклятвы: ни одной фразы на больные темы, буду просто наблюдать за ним и запоминать все ощущения, которые испытываю.

... – На чём я остановился?

– Что раздался треск.

– А-а-а, ну вот, я сразу определил, что это та гайка. Савва спорил до посинения, – муж улыбался и жестикулировал. – Тебе, может, это всё неинтересно?

– Почему же? Рассказывай! – я улыбнулась и коснулась щеки супруга.

Он продолжил рассказ. Мне казалось, что радостью наполнились не только наши души, но и всё пространство вокруг. Скворцов выглядел воодушевлённым, непривычно весёлым и улыбчивым, щедро расплёскивая вокруг теплоту своей уязвленной души.

– Представляешь? – спросил он в конце, подхватывая мой взгляд.

– Представляю. Здорово, Кадя! По звуку определил проблему. Большой профессионал!

– Ну да, – он смущённо опустил глаза, хлопая светлыми ресницами.

Застенчивый и немного хвастливый, супруг выглядел до нежности родным.

Так, за беседой, я приготовила обед.

– Как ты быстро справилась! – похвалил муж, стоя рядом.

Он периодически отвлекался на звонки, но никуда надолго не уходил.

– Я бы без тебя не справилась. Ты мне помогал.

– Хм, – вырвалось у него, и Кадя расплылся в кривой улыбке.

Из школы вернулась Алина.

– Папа, ты дома? – дочка округлила глаза и отдала ему в свой рюкзак.

– Да, – коротко ответил Аркадий, обнимая девочку за плечи. – Как в школе?

– Неплохо. Не совсем поняла про скорость и ускорение.

– Неси учебник, будем разбираться, – проговорил супруг, выговаривая по-особенному сложный звук.

Алина вскоре появилась на кухне с учебными принадлежностями и села к отцу на колени.

– Пап, вот.

– Стой... Ты про физику говорила.

– Да, но по алгебре эти уравнения тоже мне непонятны. Они сведут меня с ума.

– Ясно. Садись рядом, – Аркадий выдвинул для дочери стул.

Алина положила голову ему на плечо. Аркадий полистал учебник. Алина указала отцу на номер заданного к самостоятельному решению упражнения.

Через пару минут он пустился в объяснения.

– Нам не так рассказывают.

– Я понимаю. Методика меняется, но я тебе разьясню, как учили меня и твою маму. Твоя задача понять, – супруг говорил строго. Подобную мимику муж использовал, когда отстаивал своё решение по работе. – Алло. Филипп, не слышу. Алина, подожди.

Супруг снова вышел из кухни. Алина довольно улыбнулась и подпёрла рукой подбородок:

– Люблю, когда папа дома.

– Угу, я тоже, – я обняла дочку за плечи. – Проголодалась?

– Да. Сейчас с папой закончим решать, обязательно поем, а то мне вечером на тренировку.

После папиного объяснения неувоенного школьного материала Алина легко решила задачу и сразу записала её в рабочую тетрадь.

Мы втроём сели обедать.

– Кадя, ещё соку налить?

– Да, я сам, – и муж подхватил графин. – Алина?

– Да, пап, – девочка подала отцу свой стакан.

Аркадий ухаживал за нами обеими, наполняя стаканы соком. Я купала мужа в тёплом взгляде. Он ухватил за руку и чмокнул меня в губы, усмехаясь над своим порывом. Я таяла и рассматривала супруга, а моя душа в восторге рвалась в полёт. Все клеточки внутри танцевали от внимания, проявленного мужем.

– Алло, Гринь?.. Починился? Хорошо. Нет, на сегодня – отбой. Завтра поедем. Часам к девяти подъезжай. Ага! Давай, давай... – Он сбросил вызов. – Марина, завтра едем.

– Я услышала.

– Алина, с уроками больше нет проблем?

– Нет, пап. Спасибо. Дальше я сама. Тебе ноутбук не нужен сегодня?

– Можешь воспользоваться.

– Папуль, ты крутой.

– Хм, – вырвалось у него снова, и, получив поцелуй от дочки в щёку, он криво улыбнулся. – Марина, за Максимом поедем вместе. Прости, я отвлекусь на звонки.

Он вышел из-за стола и направился к выходу из кухни, оставляя меня в изумлении.

В приятной эйфории от внимания Аркадия, я спокойно убирала со стола и мыла посуду и только тут ощутила на талии тепло его руки и поцелуй на щеке.

– Кадя, – тихо шепнула я.

– Марин, может, сдашь на права? Ну что «бэха» стоит, пока я в командировках? А так ты будешь ездить. Если что-то сломается, позвонишь Филу.

– Кадя, я в принципе управлять автомобилем умею, но водить не хочу. Не моё это дело.

– Понятно, – поджал губы Аркаша и упёр одну руку в бок. – Покажешь мне?

– Что показать?

– Как ты водишь машину?

– Эм-м, – я смутилась.

– У нас коробка-автомат, две педальки, парктроник, – озвучивал Аркадий, морща лоб и поджимая губы.

– Хорошо, покажу, – согласилась я, – хоть сейчас.

– Отлично, – просиял Аркадий и хлопнул в ладоши, а потом запустил пятерню себе в волосы, нарушая порядок на голове.

Смотреть на это становилось забавно. Я готова была прыгать до потолка и расцеловать супруга с ног до головы в благодарность за душевную теплоту сегодняшнего дня. Улыбка не сходила с моего лица, а движения становились наполненными тихой влюблённостью в Кадю.

– Алина! Алина! Я и мама съездим покататься.

– Ого! – удивилась Алина, подпирая спиной дверной косяк гардеробной. – Хорошо. Мама, у тебя такие счастливые глаза!

Аркадий обернулся на меня. Я нырнула в джемпер, пряча свою радость, но он всё равно что-то заметил. Думается, что в душе ликовал, но за сегодняшний день это ликование – поистине его заслуженная награда.

Внимание Скворцова поднимало до небес вихрь чувственности и нежности в моей душе. Я всё равно люблю его целиком и принимаю со всеми заскоками.

Аркадий поднёс пальцы ко рту.

– Кадя, убери руку.

– Убрал. Уже убрал, – Аркаша выглядывал из-за открытой створки шкафа в гардеробной с мальчишеским видом, игриво улыбаясь. – Алин, будь умницей. Если что, звони.

На крыльце подъезда супруг чиркнул зажигалкой.

– Я раньше курил в машине, потом, когда мне салон вычистили, я больше в «бэхе» не дымлю, – он нажал на брелок.

«Бэха» приветливо уркнула, издала характерный щелчок и заморгала фарами.

Я направилась к машине. На мне были чёрные ботильоны на невысоком каблуке, чёрные брючки, короткая красная курточка, а вокруг шеи объёмно уложенный палантин в красно-белую клетку. Распустила по плечам волосы, подколола только боковые прядки, чтобы не падали сильно на лицо, и роскошные волны лежали свободно по моим плечам.

Аркадий – в серых джинсах, узконосых ботинках, коричневой кожаной куртке с воротником-стойкой поверх зелёного тонкого джемпера, – размахивая руками, шёл к автомобилю. Он сел на водительское место и вырулил со двора.

Через некоторое время муж въехал на пустынную территорию с асфальтовым покрытием и вышел из «бэхи». Он открыл пассажирскую дверь и протянул мне ладонь.

– Марин, теперь твоя очередь.

Я выскользнула наружу, посмотрела ему в глаза. Но Аркадий глядел холодно, строго, поджимая губы. У меня внутри снова всё вернулось в «режим ожидания».

Аркаша усадил меня на водительское место, подстроил зеркала, придвинул сиденье, приподнял руль, а потом сел рядом и вставил ремень безопасности в фиксатор. Я приятно волновалась. Он протянул мне мой же подарок – чёрные кожаные перчатки для вождения автомобиля, швы которых прострочены отделкой синего цвета. Я знаю, что супруг любит все оттенки синего.

– Нет, – отказалась я, выставила передачу и повела автомобиль по прямой.

«Бэха» послушно реагировала на любое движение моей руки. Я продемонстрировала мужу повороты, развороты, парковку задом.

– Прикольно, – оценил Аркадий, удивлённо улыбаясь. – Я не знал, что ты умеешь водить.

– Меня научил отец в своё время, а на права я сдавать сама не хочу.

– Круто! Владимиру Ниловичу – респект! – снова оценил муж. – Ну-у, Марин, давай ещё кружочек. Мне понравилось.

– Возьмёшь к себе водителем? Тогда я, может быть, на права сдам, – пошутила я и подмигнула мужу.

– Я не хочу, чтобы ты работала, – спокойно ответил Аркадий и застегнул кнопку на перчатке.

– Тебе на заправку нужно! – Я указала на индикатор на панели, с опаской прикусывая себе губу, потому что не удержалась и затронула больную для нас тему.

– Хорошо, едем на заправку. Здесь недалеко.

– Кадя, у меня нет прав.

– Поехали, – супруг коротко кивнул и опустил боковое стекло.

Я послушно направила «бэу» на дорогу. Аккуратно, соблюдая скоростной режим и знаки, повела автомобиль в сторону заправочной станции.

– Хорошо водишь, мягко, – озвучил Аркадий и сунул заправочный пистолет в раструб бензобака. – Мне понравилось. Напрасно сдавать не хочешь. Может, подумаем о покупке другой машины? Только скажи, какой.

– Нет, Аркадий. Я вообще водить не хочу. Не хочу сидеть за рулём, если только для фото. И направилась к кассе для оплаты бензина.

Когда я вышла из павильона, Аркадий набирал сообщение, активно работая пальцами и покачиваясь из стороны в сторону.

– Дальше сам, – я скользнула по его лицу взглядом.

Супруг хмурился и привередливо сложил губы. Я встала к нему вплотную, Кадя склонился ко мне и ласково тронул губами в коротком поцелуе.

– Марин. Марина, я...

Рингтон и вспыхнувший экран айфона отвлекли Скворцова. Провожая меня взглядом, он отвечал на вызов приятным «алло». Супруг отошёл вперёд на пару шагов и больше слушал, чем говорил, иногда улыбался.

Наблюдая за ним, я предположила, что позвонил Филипп. Я заняла пассажирское кресло. Скворцов сел за руль и тронулся с места. Он вырулил на трассу и, разогнав автомобиль, включил громче музыку.

– Я иногда езжу так.

– Аркадий, я боюсь за тебя! – Я не испугалась большой скорости сейчас, потому что доверяю мужу, но боюсь за него, пока он в пути. – Очень жду твоих сообщений, а лучше звонка, что ты благополучно прибыл на место. Сильно переживаю.

Супруг взглянул на меня, но сбавил скорость.

– Марин, смотри. Деревья красивые, – Аркаша съехал на обочину.

Мы вышли из салона и направилась по тропинке к ярко-жёлтым кустам и стройным осинам. Аркадий набрал по пути букет листьев и отдал мне.

– Селфи вместе?.. – предложил он.

Несколько кадров легли к нему в «галерею», потом он снимал меня с листьями в разных позах.

«Что же произошло с Аркашей?» – я пыталась понять, но ещё больше старалась запомнить супруга именно таким: спокойным с мальчишеской доброй улыбкой. В его глазах играла радость. Я сняла его, пока он курил на фоне живописных красок осени.

Упоительный день редкого пребывания главы семейства дома закончился весёлым чаепитием на кухне. Аркадий показывал фокус с монетой Максиму, Алина подыгрывала отцу.

– Всё, Макс, мы договаривались. Я тебе фокус показал последний раз на сегодня, а теперь пора ложиться спать, – напомнил Аркадий. – Алина, тебя это тоже касается.

– Да, пап, – девочка обняла за шею отца и унеслась вглубь квартиры.

Максим сложил капризно губы, точно так же, как Аркадий, и, вяло передвигая ноги, поплёлся за сестрой, несколько раз обернувшись. Аркаша сверлил его холодом голубых глаз, качая недовольно головой.

– Спасибо, Марин.

Я взглянула на замершего в дверях мужа.

– Пожалуйста.

Убедившись, что на кухне все мои задачи решены, я с телефоном мужа направилась проводить детей перед сном. Высветилось сообщение от Лазуренко. Я смахнула по нему вниз:

«Фил, сегодня замечательный день. Так здорово с Мариной!»

«Я за тебя рад!)))»

«У меня даже фотки есть!»

«Молодчага! Балуй чаще своим вниманием. Ничего сложного!»

Я смахнула чат вверх, а в душе замурлыкал кот удовольствия. На экране светилось наше сегодняшнее селфи, а экран блокировки экрана отобразил другой солнечно-яркий совместный снимок. Я улыбнулась, прикладывая айфон к своим губам.

Максим протянул мне ручки для объятий:

– Я спать. Спокойной ночи.

– Молодец! Хороших снов.

– Мам, пока-пока.

– Ложись отдыхать, Алина.

Аркадий взял в руки свой айфон и ухмыльнулся.

После близости, уже почти засыпая, Кадя обнял меня со спины.

– Я весь день пытаюсь тебе сказать...

Рингтон снова прорезал вечернюю тишину.

– О, фак! – зло выругался Аркадий, поспешно встал с кровати, выдохнул и спокойно произнёс «алло». Он шагал длинными ногами от двери к окну и обратно на протяжении всего телефонного разговора. – Да, я завтра буду у вас. После полудня примерно. Да, обсудим. Доброй ночи.

Муж вернулся в постель, нервно кусая губы. Я повернулась к нему, укрыла одеялом и запустила пальцы в светлые волосы. В голубых глазах снова застыли холод и напряжение.

– Что-то случилось?

– Да. Сбой поставки, а я не смог приехать сегодня.

– Всё образуется, слышишь?

– Да.

У него дёргались губы: наверняка в голове он строил стратегии выхода из сложившейся ситуации.

– Кадя, что ты мне хотел сказать сегодня?

– Что? – Он холодно, насупившись, смотрел на меня. – Ну-у Марин, всё потом.

– Хорошо, – шепнула я, возвращаясь в «режим ожидания».

– День прошёл классно, – Аркадий смежил веки и потянул палец к зубам.

– Мне тоже понравился наш сегодняшний день вместе. Побольше бы этих дней. Мне тебя сильно не хватает. Кадя, убери руку, – почти шёпотом говорила я.

– Убрал. Уже убрал. Спокойной ночи!

Вот этот тон мне знаком до скрежета зубов.

Утром о вчерашнем дне напомнил осенний лист у меня на тумбочке. Я улыбнулась и спрятала жёлтое пятнышко осени в книжку.

Деятельный, умный Скворцов может наслаждаться хорошими моментами и дарить радость другим. Почему же это так редко бывает?

Глава седьмая

В одну из последних пятниц сентября в нашем районе отключили холодную воду. Я об этом узнала из объявления на стенде у подъездной двери.

– А когда подключат? – спросил меня супруг за утренней чашкой кофе.

– Вечером, наверное, – неуверенно ответила я.

Когда же вечером я вернулась с сыном домой, Аркадий, недовольный, встретил меня в прихожей.

– Марина, воды нет!

– Так. И что дальше?

– Рабочих у колодцев я больше не наблюдаю.

– Кадя, теперь до понедельника придётся ждать.

– Марин, ты серьёзно? – супруг всматривался в моё лицо, удивлённо округляя глаза.

– Абсолютно. Тебе нужно чаще бывать дома, Кадя, – ввернула шпильку я, – и видеть правду жизни.

– Подожди. Я в воскресенье уезжаю в командировку. Я что, грязный поеду?

– Можно к Лиле попроситься. Она живёт в другом районе. У неё вода точно есть, – предложила я выход из положения.

– Чего-о? – с ещё большим раздражением протянул супруг, по-прежнему удерживая телефон в руке. – А чай?

– Для готовки можно в магазине взять бутилированную воду, – не унималась я, озвучивая свой порядок действий в подобных случаях.

– О, фак! Подожди. Часто такое случается?

– Периодически. Обычно успевали в течение рабочего дня исправить. Сегодня, видимо, серьёзная авария. Выходные ещё впереди.

– О, фак! – Супруг потёр нос и подсунул ноготь между зубами.

– Придумаем что-нибудь, – пожалала плечами я и убрала в шкаф свою и Максимкину обувь. – Кадя, убери руку.

– Убрал. Уже убрал, – грассировал муж.

Он нацепил на ноги тапки и вышел за дверь.

Через несколько минут Аркадий уже мерил шагами кабинет.

– Марина! – позвал он. – Вставь симку в этот телефон. У меня ногтей нет.

Аркадий наклонился за упавшим листочком, где его почерком было что-то написано. На рабочем столе кроме этого листочка больше ничего нет. Тихо играет музыка его любимой группы. Я послушно выполнила его требование и включила аппарат.

Кадя поднялся из кресла и открыл для меня дверь, не отрываясь от телефонного разговора. На лице играло недовольство и суровость. Глаза обдавали ледяным холодом:

– Свободна.

Обиженно взглянув на мужа, я молча покинула кабинет.

Через час на экране моего телефона высветилось сообщение от Аркадия: «Ты мне нужна». Я вернулась обратно в кабинет, скрестила руки на груди, ожидая извинений, всё так же обиженно следила за супругом. Аркаша в белой футболке, в тёплом спортивном костюме зелёного цвета и, как обычно, босой ходил от окна к столу и обратно, жёстко разговаривая по телефону:

– Господин Маховец, я трачу на бессмысленную беседу с вами уже двадцать минут. Я сказал, что в моём доме с самого утра нет холодного водоснабжения. Прошло больше восьми часов. Ваши работники проблему не решили и закончили рабочий день по адресу Щорса, дом двадцать. В случае невозможности устранения аварии через сутки с момента отключения вы

обязаны доставить в район цистерну с питьевой водой. Слышите?.. Да?.. Разговор, кстати, записывается. В случае чего я всё передам в прокуратуру и вышестоящую инстанцию. Понятно, да?.. Так вот, вода у меня из крана не течёт. Зачем вы устроили этот водный коллапс? Вы делаете перерасчёт за коммунальные услуги по сорок восьмой квартире – это первое. Второе – сегодня вода должна быть у меня в кране. В смысле «невозможно»? Господин Маховец, тогда мы для решения этой проблемы привлечём моего юриста, даже двух.

Аркадий жестом позвал меня к себе, но я осталась у прикрытой двери кабинета.

– Вы собираете бригаду через полчаса у колодцев. Мои юристы заключают с вами договоры гражданско-правового характера, и мы нежно распилим за качественный ремонт примерно поровну двести тысяч. Возможно, если работы будут выполнены быстро и слаженно, я премирую сверху. Вы подумайте, господин Маховец, минут десять. Перезвоните мне на этот номер. Я буду очень ждать. Что? А если нет... А если нет, то вода сегодня всё равно поступит в мой кран, а двести тысяч кусков уйдут надёжным людям из другой управляющей компании, которая ещё и асфальтовое покрытие восстановит вокруг. У меня дорогая машина. Я не хочу ездить по плохой дороге из-за произвольщиков-коммунальщиков. Время пошло.

Он сбросил вызов, подошёл ко мне и пальцем поднял мой подбородок, закрывая рот.

– Марина, ты с помощью Фила сможешь заключить договоры гражданско-правового характера?

– Да, – ответила я, укладывая в своей голове услышанное.

– Он мне на почту сбросил несколько вариантов. Прочти, – Аркадий указал на ноутбук у себя на столе. – Где твой телефон?

– В спальне, – я повернулась к выходу.

– Этот вопрос решаешь с Филиппом самостоятельно, для этого тебе нужен телефон.

Привлечённая к операции спасения района от произвола коммунальщиков, я изумилась. Для меня Кадя открывался как грамотный руководитель, который чётко выстраивает работу и умеет делегировать полномочия.

– Аркаша, а откуда двести тысяч?

– Из сейфа. Я думаю, нам хватит до нового контакта, там грубенько шестьсот сейчас. И вот ещё что, Фил не добавил пункт по самостоятельной уплате налога на доходы физических лиц с этих договоров. Сформулируй и вставь в текст. Я не собираюсь этим заниматься, – скупое жестикулируя, привычно грассировал Аркадий. – По два экземпляра распечатаешь, когда я узнаю, сколько рабочих будет задействовано. Лазуренко подъедет через двадцать минут.

– Кадя, ты у меня большой молодец! – отпустила я комплимент супругу, восторженно лаская его взглядом и забывая свою обиду.

– Я ещё ничего не подписал, и воды в кране пока нет, – холодно посмотрел на меня Аркадий.

Он выглядел крайне серьёзным и напряжённым.

Через полчаса в нашем дворе тарахтела спецтехника, и бригада из пяти рабочих стояла, ожидая указаний. Вокруг них суетился коротконогий мужичок с хорошим брюшком, в кожаной чёрной куртке и синих джинсах, сверкая лысиной при свете уличных фонарей. Он доходил по росту Аркадию до плеча.

– Аркадий Игоревич! – радушно сопровождал он моего мужа.

– Вот готовый образец договора, читайте, – предложил Аркадий и протянул ему один лист.

– Да, сойдёт, – скользнув взглядом по мелко напечатанному тексту, согласился господин Маховец и вернул документ Скворцову.

Филипп перебирал экземпляры только что распечатанных договоров и искал нужный.

– Этот я сам заключаю. Рабочие все с паспортами. Марина, вписывай их данные в строки. Пока они работают, Аркаша подмахнёт.

Я посмотрела на кума – он играл скулами и поджимал губы.

– Филипп Маркович, ты сегодня в других очках.

Он тепло улыбнулся мне, подхватывая взгляд:

– Мне в них плохо?

– Непривычно. Узкая форма почти незаметная, а эта контрастная. Очень интересно смотрится.

– Спасибо, – Лазуренко снова улыбнулся и вернулся к чтению выбранного экземпляра договора, стоя рядом со мной. – Те очки в ремонт отдал. Сломалась деталька у переносицы.

У подъездов стали скапливаться завсегдатаи лавочных посиделок. К ним подходили представители соседних домов, коллеги по несчастью с отключённой холодной водой. Начались активные дебаты на тему злосчастной «коммуналки».

Около подъезда на лавочке я заключила договоры на проведение ремонтных работ с пятью рабочими, проверив их документы, и передала пачку Скворцову. Он уселся за руль BMW и быстро подписал.

Господин Маховец раздал подписанные документы рабочим, а свой не глядя сунул во внутренний карман куртки. Аркадий и Филипп переглянулись, для меня их жест не оказался незамеченным. Я обвила руками предплечье мужа, который стоял, сунув руки в карманы куртки, контролируя процесс ремонта. Кончик носа у Аркаши покраснел: муж замерзал, но уходить не собирался.

– Аркадий Игоревич, будет шумно, – произнёс господин Маховец.

– Я думаю, соседи готовы скорее после десяти вечера потерпеть шум, чем остаться без воды на целых три дня, – Аркадий без настроения дёрнул вверх молнию на тёмной куртке и продолжал стоять рядом с работающей бригадой.

Он активно интересовался ходом работ, причинами аварии, последовательностью действий. Рабочие слаженно и чётко отвечали супругу на любой его вопрос. Господин Маховец постоянно вмешивался, перебивал и деланно топтался около колодцев.

– Я что-то не понял! – злился Аркаша. – Я беседую с рабочими, задаю вопросы только им. Господин Маховец, почему ты меня перебиваешь?

– Это мои рабочие, – прозвучал ответ.

– Нет. Мои рабочие, потому что я плачу им деньги.

– Аркадий Игоревич, вот взгляните, – один из рабочих протянул ему свой телефон с фотографией прорыва в трубе.

– О, фак. Понятно... – Супруг не выражался нецензурными словами, но в порыве захлёстывающих эмоций, что бывало в моём присутствии редко, использовал англицизмы.

– Тут сейчас произведём замену куска, потом сварка. По времени работы на час-полтора.

– Это меня устраивает, – шмыгнув носом, ответил Скворцов и вернул рабочему телефон.

Начал моросить осенний дождь. Холодные капли попадали под воротник пальто. Филипп распахнул надо мной большой чёрный зонт, Аркадий благодарно кивнул другу и набросил на голову капюшон куртки.

По истечении озвученного времени рабочий снова продемонстрировал фотоотчёт, более того – дал хороший прогноз по состоянию трубы в пределах видимости. Он отметил, что на трубопроводе возможных мест для будущих прорывов не имеется.

– Хорошо, – довольно хлопнув в ладони, скартавил Аркадий. – Заканчивайте и подходите к Филиппу Марковичу за оплатой.

Скворцов вытащил из пачки сигарету, а господин Маховец чиркнул перед ним зажигалкой. Скворцов строго посмотрел на него, а потом подхватил из рук Лазуренко зонт.

Я повернулась к Аркадию, муж обернулся. Холод и жёсткость в голубых глазах растворились и уступили место удовлетворению и спокойствию.

– Аркадий Игоревич, я тут что-то не совсем понимаю... – промямлил Маховец.

– Что? – равнодушно спросил Скворцов.

– Почему мои работы оплачиваются безвозмездно?

– И встречный вопрос: какие работы?

– Я собрал бригаду.

– Я предлагал дать мне их контакты, ты сам отказался. Я это работой не считаю, с тобой об оплате я не договаривался. Я стою тут битый час и контролирую весь процесс ремонта. Себе же я не плачу?..

– То есть из двухсот кусков мне ничего не положено?

– Нет. Более того, я уверен, у тебя в должностной инструкции указан ненормированный рабочий день, в отличие от рабочих. Господин Маховец, ты согласился, подписал договор на абсолютно безвозмездную организацию ремонтных работ по улице Щорса сегодня. Меня это устроило, – спокойно отвечал Аркадий.

Рядом с ним появился Филипп, он подмигнул мне:

– Когда-то нужно начинать делать добрые дела бесплатно.

– Полностью согласен с тобой, Филипп Маркович, – Аркадий выпустил очередную порцию сигаретного дыма через нос вниз и стряхнул демонстративно пепел на ботинок господину Маховцу.

– Ребят, так же не делается. Любая работа оплачивается, – взывал толстенький лысый человек, топчась на месте грязными ботинками, не замечая упавшего пепла ему на ногу.

– Разговор записывается, – указал Лазуренко на внутренний карман своей куртки.

– Да к чёрту! Пятница! Я мог отдохнуть! А ты мне, шкет, позвонил, вытащил из дома, обещал заплатить! А теперь чушь несёшь!

– О чём он говорит? – невозмутимо спросил Аркадий у кума.

Я напряжённо смотрела на мужчин, внутри испытывая волнение, потому что ситуация накалялась.

– Он хочет денег.

– За что? Это склонение к даче взятки?

– Статья двести девяностая Уголовного кодекса Российской Федерации – от трёх до пяти лет лишения свободы. Доказательная база достаточная, – Филипп вытащил из внутреннего кармана куртки диктофон.

Лысый толстяк попятился назад, столкнулся с рабочим, щедро осыпал его отборной бранью, сунулся в свой серый «Субару» и укатил прочь со двора.

Друзья, улыбаясь, хлопнули друг друга по ладоням.

К нам подошла бригада рабочих:

– Я столько в месяц получаю, сколько получил от вас за несколько часов работы, Аркадий Игоревич!

– Я за вас рад. До свидания, – не боясь испачкаться, супруг пожал всем рабочим руки, выражая мужчинам благодарность ещё и на словах.

Моргнув фарами, чёрный BMW X5 остался стоять во дворе, а мы втроём вернулись в квартиру.

Алина уже спустила воду и приглашала на чай к столу в столь поздний час.

– Нет. Я откажусь, – выдохнул Филипп и протёр круглые очки в чёрной оправе. – Мне пора домой.

– Спасибо, что помог, Фил.

– Всегда пожалуйста. Аркадий, как и договаривались, я рабочим ещё и премию выдал.

Итого ушло триста тысяч.

– Отлично!

Друзья обнялись. Аркадий, наконец, довольно улыбнулся, а я прижалась к нему, провожая в прихожей друга семьи.

Лазуренко достал ключи от автомобиля из кармана куртки, дружески коснулся моей щеки, пожал руку Аркаше и вышел за дверь.

– Кадя! – в восхищении я обвила шею мужа руками, радуясь оригинальному решению житейской проблемы. – Ты супергерой!

– Бываю иногда, – скользнув взглядом по моим губам и разомкнув кольцо моих рук, муж направился вглубь квартиры. – Я в душ.

Глава восьмая

Утром в субботу вдруг раздалась трель дверного звонка.

Аркадий оторвался от завтрака и с куском бутерброда за щекой направился к настойчиво трезвонившему посетителю.

Дети допивали чай. Алина делилась планами на выходные:

– Мама, мне опять задали учить стихи.

– Чьи на этот раз? – спросила я, загружая посудомоечную машину.

– Ивана Бунина.

– Про природу?

– Ага. Я договорилась с учителем, что для себя выберу сама, а не из учебника. Взять сборник в библиотеке мне не удалось, я не успела. В городской библиотеке сегодня санитарный день, а завтра – выходной. Придётся лезть в просторы интернета. Пока папа кабинет не занял, я поищу что-нибудь подходящее.

– Хорошо, Алина. Умничка!.. Дочь, посмотри, закончила стиральная машина свой цикл?

– Да. Макс, идём со мной, – позвала девочка брата и направилась к выходу. – Будешь рацией.

– Ого! – удивился Максим и полез босыми ногами в мягкие тапочки.

Я метнулась в гостиную. Аркадий, уперев руки в бока, босой стоит у входной двери и слушает монолог соседки снизу.

Пока поливала цветы, поправляла диванные подушки в гостиной, Макс примчался с докладом, что бельё постирано.

Прохожу через прихожую: Аркадий стоит и внимательно и молчаливо слушает. Он подсунил ладони под мышки и выставил вперёд стопу.

«Ну что же... видимо, интересно», – подумала я, улыбнулась ему и ушла в ванную комнату.

Бельё развешено на сушилке. Я навестила дочку в кабинете. Алина зачитала мне два подобранных ею произведения, которые соответствовали её настроению, и, с учётом моего мнения, отправила одно в печать. Дочка уже принялась за заучивание строчек.

Я вернулась на кухню. По пути снова отметила, что супруг так и стоит в прихожей с распахнутой входной дверью. Он мельком глянул на меня. На кухне я успела согласно рецепту сложить в мультиварку приготовленные продукты на плов, перемыть вручную запачканную посуду, выпить чай и прошла обратно.

Мой путь снова пролегал через прихожую. Аркадий громко шмыгнул носом, но, скрепив руки на груди, потирая одной голый стопой другую и поджимая губы, продолжал слушать, наверное, невероятно интригующий рассказ из жизни нашей соседки.

Я удивилась его терпению. В конце концов сама не выдержала и подошла к беседующим. Аркадий оживился при моём появлении.

– Мариночка, – с радостью переключилась на меня тётя Зина. – А я Аркадию Игоревичу тут благодарность от жильцов нашего дома выражаю.

– Тётя Зина, можно было обойтись.

Кадя за плечи приблизил меня к соседке, а сам пулей покинул прихожую.

...С соседкой я распрощалась быстро, сославшись на домашние дела. Супруг уже восседал в своём светлом офисном кресле в кабинете. Алина, повторяя стихи, висела у отца на шее, расположившись на его коленях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.